

О побуждениях к исполнению нравственного закона

митрополит Сергей (Ляпидевский)

Человек рассудительный не решится ни на какое действие, не подумав о нем. Душе разумной и свободной свойственно соображать, почему действие преднамеряемое – нравственно хорошо или не хорошо, почему хорошее – достожелаемо, а худое заслуживает презрения, почему и из действий добрых можно избирать одно предпочтительно пред другими. То представление разума, на основании которого воля решается на какое-либо действие, называется нравственным побуждением. Побуждение совершенно различно от принуждения. В побуждении еще нет принуждения; в принуждении включается больше, чем сколько дает побуждение. Сущность побуждения составляют те основания, по которым преднамеряемое действие кажется нравственно чистым; напротив, отличительною чертою принуждения всегда бывает некоторое насилие, увлекающее волю иногда и к тому, в чем она не видит не только нравственного добра, но даже и внешней пользы. Побуждения и доброго можно не принять, если упрямая воля не захочет; но принуждению иногда невольно повинуются человек, или видя в нем меньшее зло, служащее средством к избежанию большего, или невольно уступая преодолевающему влиянию внешней силы. Потому побуждение и называется нравственным, что склоняя волю к действию, не отнимает у нее свободы отвергнуть сие действие.

Из сего понятия о нравственных побуждениях открывается, что их количество также неопределенно, как и тех действий, из которых составляется духовная жизнь человека; ибо для каждого дела может быть свое побуждение, из одного побуждения может произойти много действий, и наоборот, к одному действию клонят волю иногда многие побуждения. Оценить все нравственные побуждения, какими руководится свободная воля, было бы также невозможно, как и исчислить все действия свободные, которых не может удержать в памяти и тот, кому принадлежат они. Довольно обозначить только главные побуждения, которые удерживают свободную волю в повиновении нравственному закону. Всякий нравственный закон огражден обязательством, по которому мы признаем его над нами силу, и по совести повинuemся ему. Какие же побуждения обязывают нас исполнять Божественный закон? Так как

сущность нравственного закона есть сама воля Божия, то на понятие о сей воле и можно основать деление побуждений, обязывающих к исполнению его. Определив, что воля Бога Всемогущего выразила себя в нравственном законе, мы должны будем указать на величие Законодателя, и отсюда извлечем побуждение к исполнению Его закона. Потом, перешедши к рассмотрению, в каком духе и в каких отличительных предписаниях начертала сия Воля свой закон, мы из достоинства закона получим убеждение соблюдать его. Далее, представив, каким по воле Божией создан человек, и в какое состояние приведен благодатью Иисуса Христа, мы в существенных стремлениях и в благодатном состоянии природы человеческой найдем подтверждение, что путь добра есть путь – к нам близкий и достолюбезный. Наконец, не забывая и того, что воля Божественного Законодателя обещает блюстителям нравственного закона, и чем угрожает нарушителям его, мы должны будем определить значение тех побуждений к исполнению нравственного закона, какие проистекают из надежды блаженства и страха мучений.

Побуждения к исполнению нравственного закона, утверждающиеся на понятии о Законодателе

Закон, от кого бы он ни происходил, всегда служит выражением воли законодателя. В предписаниях общего нравственного закона благоволила открыть себя воля Бога, Верховного Законодателя, Который есть вместе и Высочайший Благодетель человека и Первообраз нравственного совершенства.

Величие Законодателя

Чем выше, величественнее законодатель, тем большее рождается уважение или благоговение к его закону. Что же может быть выше воли того Законодателя, Который не только дает законы, но и сотворил тех, кому их дает? Как Его всемогущее слово возвало бытие из ничтожества, так оно же дает бытию различные виды и степени жизни. Если вначале, когда сказано было только: «да будет», начало существовать, чего не было, то менее ли могущественно новое слово: «да будет», по которому дан общий для всех разумных существ закон, в насаждение и поддержание в мире нравственного порядка? Тот, Кто положил пределы движущемуся веществу, начертал и нравственный закон, как ограду всякой жизни нравственной. Нужно делать требуемое сим законом, потому что Бог вдохнул в нас, вместе с дыханием жизни, и способность знать Его и чтить, как Верховного Законоположника. Нужно повиноваться воле Его, потому что ей все обязано и своим бытием и продолжением своего бытия. Нужно покоряться ей, потому что премудрость ее и благость напечатлены в жизни целого мира. Сие высочайшее происхождение и значение Своего законодательства открывал всегда сам Бог, когда непосредственно или через Своих избранных изрекал людям законы. Так еще в Ветхом Завете, предписывая евреям законы высшей важности, Законодатель к каждому почти предписанию присовокуплял указание на Свое Божественное достоинство: *Святи будите, яко Аз свят есмь Господь Бог ваш...* (Лев.19:2); *субботы Моя сохраните: Аз Господь Бог ваш...* (ст. 3.); *не последуйте идолом: Аз Господь Бог ваш...* (ст. 4.); *да убоишия Господа Бога твоего: Аз Господь Бог ваш...* (ст. 14 и сл). Те же предписания закона Моисей, повторяя от лица Божия израильтянам, снова напоминает нам о Божественном величии Законодателя, открывшемся в сих заповедях: *И призва Моисей всего Израиля, и рече им: слыши Израилю оправдания и суды, елика Аз глаголю вам во уши ваши во днешний день, и научитесь их, и сохраните творити я.* И далее, чтобы показать обязательную силу повторяемого закона, замечает, что сей закон есть тот самый, который дан был Богом на горе Синае: *Господь Бог ваш завета вам завет в Хориве. Лицем к лицу глагола Господь к вам на горе из среды огня. И аз стоях между Господом и вами, во время оно возвестити вам глаголы Господня...* (Втор.5:1 и сл). Подобно Моисею и другие Пророки проникнуты были чувством благоговения к могуществу Божественного Законодателя. Всю землю и небо призывали они ко вниманию, когда глаголал Господь

(Ис.1:2). Как верность своих предсказаний свидетельствовали они тем, что тако глаголет Господь, или – уста Господня глаголаша сия; так к принятию и исполнению Божьих повелений побуждали они сими напоминаниями: *Тако глаголет Господь, сотворивши тя; тако глаголет Господь, даяй путь по морю...* (Ис.43 гл). *Тако глаголет Господь Вседержитель (Агг. 2:12), Святый Израилев... Сия глаголет Адонаи Господь...* (Иез. 18). Когда явился во плоти Божественный Законоположник, Он также на свое Божественное достоинство указывал, как на незыблемую опору возвещаемого Им закона. *Уча, яко власть имый,* Он преподавал Свои заповеди новые в дополнение ветхого закона Моисеева, и чтобы побудить к их исполнению, присовокуплял только: *Аз же глаголю вам...* В сем слове – «Аз же» – заключалась всемогущая сила Божия, низлагавшая всякое упорство воли, готовой возразить проповеднику нового закона. Ту же силу Своей законодательной власти являл Спаситель, когда давал такой ответ: *аще кто хочет волю Его (Бога Отца) творити, разуметь о учении, кое от Бога есть, или Аз от Себе глаголю (Ин.7:17).* Итак, нужно только увериться в Божественном происхождении учения Христова, чтобы потом беспрекословно следовать ему, и чтобы избежать упрека в противлении чистой и спасительной истине. Сим можно изъяснить, почему иногда Апостолы, побуждая христиан исполнять какое-нибудь нравственное предписание, к убеждению наставляемых приводили одно то напоминание, что такова воля Божия. *О всем благодарите,* говорит Апостол; и, далее, только присовокупляет: *сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе (1Сол.5:18).* Или: *сия есть воля Божия святость ваша (1Сол.4:3).* А св. Ап. Иоанн, обязуя всех веровать в Иисуса Христа и любить ближних, побуждает к сему тем, что сам Бог дал нам такую заповедь: *сия есть заповедь Его, да веруем во имя Сына Его Иисуса Христа, и любим друг друга, яко же дал есть заповедь нам (1Ин.3:23).*

Высочайшая благодать Законодателя

Но Единый верховный Законоположник есть вместе и высочайший наш Благодетель и Спаситель. Получаемые благодеяния обыкновенно располагают благодарить благодетеля, решаться для него даже и на трудные пожертвования. Люди благодарные, чтобы достойно почтить своих благодетелей, стараются воздать им, со временем, больше того, что получили от них: но чем можем воздать Богу за все, что Он воздает нам? Ничем более, как любовью к Нему. А сия любовь к Нему ничем вернее не может быть засвидетельствована, как исполнением Его заповедей: *аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте* (Ин.14:15). Следовательно, по мере наших сил, полную благодарность Богу мы не иначе показать можем, как одушевляя все дела наши духом любви к Богу. Кроме того, если, мы обязуемся любить Бога по образцу той любви, какую Он возлюбил нас, так как сказано: *мы любим Его, яко Той первее возлюбил есть нас* (1Ин.4:19), то самую любовь Его к нам мы побуждаемся любить Его не словом, но жизнью. «Недостаточно, – говорит Златоуст, – свидетельствовать любовь к Богу только словами; нужно показать ее и делами. Ибо Он сам явил любовь Свою к нам не словами только, но более делами. Покажи и ты сие на самом деле, и твори угодное Ему¹». В Св. Писании весьма часто напоминания благодеяний Божьих обращаются в побуждения к исполнению нравственного закона. *Молю вас, братие, пишет Апостол, щедротами Божьими, представьте тела ваша в жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше* (Рим.12:1). Св. Златоуст замечает на сии слова: «После длинной беседы о Божиим человеколюбии, в которой Павел доказал неизреченную Божию попечительность, несказанную и неизследимую благодать, – сею уже самую благодатью убеждает он облагодетельствованных Богом явить жизнь достойную дара. И удивительно ли, что не отказывается умолять их, когда представляет умоляющим самое милосердие Божие? поелику от Божьих щедрот излились на вас бесчисленные блага, то устыдитесь, убойтесь оных, потому что самые щедроты сии обращаются к вам с просьбою не обнаруживать в себе ничего их недостойного. Так желающий пристыдить много облагодетельствованного обыкновенно представляет умоляющим самого благодетеля»². Так как щедроты Божии открылись в творении, промышленности и искуплении, то укажем здесь, как каждый из сих трех видов благодеяний Божьих побуждает нас к соблюдению нравственного закона.

Дела любви Божией к человеку уготованы были гораздо прежде, нежели он пришел в бытие и в состояние понимать их: еще не было человека, а Бог заботился о нем, чтобы создать его по Своему образу и по подобию. А когда стал он существовать, – чем успел заслужить, что Бог даровал ему познание о Себе, превознес его над всеми тварями разумом и свободой, дал ему способность наслаждаться красотами рая, и поставил его владыкою земли? Все, что ни получил он при сотворении, есть нисколько не заслуженный дар любви Божией к нему. Чем же, как не жизнью чистою и достойною, человек лучше может благодарить Творца за дар жизни? «Ежели в рожденных, – рассуждает Василий Великий³, – есть врожденная любовь к родившим, и это доказывают – привязанность бессловесных и в людях с первого возраста открывающаяся приверженность к матерям, то недостатком любви к Сотворившему нас и отчуждением от Него да не окажем себя неразумнее младенцев и свирепее зверей. Если бы мы и не знали, каков Он по благодати, то по тому одному, что от Него получили бытие, должны мы безмерно любить Его, и непрестанно прилепляться к памятованию о Нем, как дети прилеплены к матерям».

Таким образом, первое дыхание человека в этом мире есть первое побуждение любить Творца, и исполнением Его воли угождать Ему. А потом, каждое новое наше в жизни дыхание не есть ли новый дар Творца и Промыслителя? Как слеп тот человек, который, непрестанно живя Божьими благодеяниями, не хочет разобрать эту, не из букв составленную, но из даров Божией благодати сложенную, заповедь: «*возлюбиши Господа Бога твоего*»! «Если по природе мы имеем любовь и расположение к благодетелям, – рассуждает Василий Великий⁴, – и решаемся на всякий труд, чтобы воздать за оказанное нам благодеяние, то какое слово может изобразить Божьи дары? Они таковы по множеству, что превышают всякое число; так велики и важны, что достаточно и одного, чтобы обязать нас ко всякой благодарности к Подателю. Но Он столько благ, что не требует воздаяния, а довольствуется тем, чтобы мы любили Его за дарованное Им». Св. Писатели нередко благодеяниями Божьими упрекали противившихся Богу и Его закону. *Род строптивый и развращенный, обличает Моисей упорных и непослушных израильтян, сие ли Господу вы воздаете? Сии люди буи и не мудри. Не сам ли сей Отец твой стяжа тя, и сотвори тя, и созда тя! Помяните дни вечные, разумеите лета рода родов: вопросы отца твоего, и возвестит тебе, старцы твои, и рекут тебе (Втор.32:5–7).* Иисус Навин в предсмертном завещании своем израильтянам, упомянув о недавних к ним благодеяниях Божьих, извлекает из сего такой урок: *укрепитесь убо зело хранити и творити вся написанная в книгах закона*

*Моисеева, да не уклонитесь от него на десно или на лево... (Нав.23:6). И впоследствии Пророки, обличая народ Божий в нарушении закона и побуждая хранить его, напоминали законопреступным благодеяния Божии, полученные ими и их отцами. Сам Господь устами Своих Пророков не редко напоминал неверному народу Своему о Себе, не только как о Законоположнике и Судье, но и как о Высочайшем Благодетеле: *Тако глаголет Господь избавляяй вас, Святыи Израилев (Ис.43:14). Аз с тобою есмь, глаголет Господь, спасаяй тя (Иер.30:11). Тако глаголет Господь, избавивый тя Святыи Израилев (Ис.49:7).* Даже, когда и уклоняется человек от пути правого, и тогда оставляет ли неблагодарного и слабого щедрая Десница Божия? Ежедневно он оскорбляет любовь Божию грехами своими, и ежедневно видит от нее новые благодеяния. Явно, что любовь Божия борется с нечестием человеческим, и побеждает благодатию упорное сердце, желая привлечь его к себе. Как человек слаб в своих жизненных силах, сколько опасностей ждет его на каждом шагу, и, однако ж, любовь Божия хранит его невредимым. Прекрасно св. Златоуст извлекает из сего обстоятельства побуждения к богоугождению: «Вспомни, как некогда ты обнесен был клеветою, и, однако ж, освобожден от обвинения; как среди мрачной ночи впал ты в руки разбойников, и, однако ж, избежал их насилия; как понесенные тобою потери опять были вознаграждены; как подвергшись тяжкой болезни, ты получил выздоровление. Перечисли в уме твоём все, в продолжении целой жизни, полученные тобою от Бога милости: ты изольешься пред Ним в благодарности, и воспламенишься любовью к Нему⁵). Но какое сокровище даров Божьих открылось пред человеком, когда сама любовь Божия воплотилась ради спасения грешников! «Ради мене, – взывает благочестивый Тихон, Святитель Воронежский, – сшел еси с небес, да мене на небо возведеши. Ради мене смирился еси, да мене вознесеши. Ради мене, Бог съй, вочеловечился еси, да мене Божественного естества причастником сотвориши. Ради мене тужил, скорбил, печалился и плакал, да мене от скорби, туги, печали и слез вечных избавиши. Ради мене обезчестен и поруган был еси, да мене прославиши. Ради мене со беззаконными вменен был еси, да мене оправдаеши. Ради мене смерть вкусил еси, да мене оживиши. Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми»⁶)? Самые сильные побуждения к сему предлагает слово Божие, когда указывает на очистительную за грехи наши смерть Христову: *Возлюбленнии, напоминает Ап. Иоанн (1Ин.4:11), аще сице возлюбил есть нас Бог, и мы должны есмы друг друга любити. По Христу молим вас, взывает Ап. Павел, примиритесь с Богом. Не ведевшего бо греха по нас**

грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем (2Кор.5:20–21).

Первообраз совершенств в Боге – Законодатель

Наконец, в Боге мы обретаем первообраз совершенств, и, имея образ, посему должны стремиться подражать Ему. Душе нашей врождено стремление к созерцанию красоты чистой и нравственной. Но то, что непостижимо для ума и воображения человеческого, явилось в Сыне Божиим, Который есть Сияние славы Отчей и образ Ипостаси Его. Теперь, когда нам образ дан, требуется от нас подражание ему. Св. Василий Великий так о сем рассуждает: «От природы в нас есть вождление прекрасного, хотя одному то, другому другое кажется прекрасным. Что же досточуднее Божией красоты? Какое представление приятнее Божия великолепия? Какое желание душевное так живо, как желание, порождаемое Богом в душе, которая очищена от всякого порока, и с истинным расположением говорит: уязвлена есмь любовью аз? Подлинно неизреченны и неописанны блистания Божией красоты. Люди по природе вождлевают прекрасного; собственно же прекрасно и достолюбезно – благое; а Бог благ. Посему любовь к Богу требуется от нас, как необходимый долг»⁷. Сам Спаситель указывал на совершенства Божии и на Свои действия, как на образец для подражания: *Будите совершенны, якоже Отец ваш Небесный совершен есть (Мф.5:48). Будите милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть (Лк.6:36). Образ дах вам, да якоже Аз сотворих вам, и вы творите (Ин.13:15)*. Во всех событиях земной Его жизни заключаются для нас уроки, как исполнять известные предписания закона, как стяжать не легко стяжаемые добродетели. В духовном и истинном благочестии путеводит нас Его пример: Он научил нас молиться, не только сказав нам слова молитвы, но и опытами Своей непрестанной и, во время ночи, уединенной молитвы. В повиновении родителям Ему мы подражать должны: ибо Сам – Творец всего, Он повинуется им. В кротости, смирении и незлобии сам Он повелевает научиться у Него: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем (Мф.5:9)*. В самоотвержении, за Его крестом мы должны нести крест свой: пострадав за нас, Он научил и нас безропотно терпеть страдания и скорби жизни. *Христос пострада по нас, нам оставил образ (1Пет. 2:21)*. Посему и Ап. Павел не редко Божественными совершенствами Бога и Спасителя и Его действиями возбуждает в христианах ревность к подвигам добродетели: *Бывайте подражатели Богу, яко чада возлюбленная (Еф.5:1). Подражатели мне бывайте, яко же аз Христу (1Кор. 11:1). Сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе (Флп.2:5). Терпением да*

течем на предлежащий нам подвиг: взирающе на Начальника веры, и совершителя Иисуса (Евр. 12:1–2).

Итак, представляя Бога Законодателем, мы возносимся благоговением к Его величию, и сие благоговение побуждает нас уважать закон Его; постоянно испытывая, что Верховный Законодатель есть вместе и Высочайший наш Благодетель, наполняемся благодарностью к Нему, и в чувстве благодарности находим побуждение творить угодное Ему; когда созерцаем совершенства Божии, удивляемся духовной красоте Божественной, и стремимся подражать тому, что в природе и действиях Божественных доступно нашему подражанию, и чему подражать учит нас самый закон Божий, высокое достоинство которого само служит для нас побуждением исполнять его.

Побуждения к исполнению нравственного закона, основывающиеся на достоинстве его

Чем более имеет внутреннего достоинства закон, тем сильнее он действует на волю. Высшее достоинство Божественного закона заключается в его содержании и в его духе.

Нравственный закон – путь нашего боговедения и приближения к Богу

Содержанием нравственного закона служит откровение благой и премудрой воле Божией. Что же в законе открывает нам воля Божия? Она открывает нам тот путь, держась которого, мы можем не только совершеннее познать Бога, но и достойно чтить Его, – те условия, подчиняясь которым, жизнь наша может соделаться жизнью богоугодною. В предписаниях закона нравственного открыты нам нравственные качества Бога неопишимо. Если для благоговейных очей *небеса поведают славу Божию (Пс.18:2)*, и невидимыми Божьими творениями *помышляема – для ума неослепленного видима суть (Рим.1:20)*, то еще ближе и прямее совершенства Божии познаются в требованиях закона нравственного. Ибо Бог не стал бы требовать от нас того, что несогласно с Его нравственными свойствами и с вечными законами Его существа. Нам заповедует закон любить ближних, и много указано оснований сего требования: но все сии основания получают твердость от того, что в том же законе, главным признаком существа Божия поставляется любовь: *Бог любви есть (1Ин.4:8)*. Заповедуется нам чистота нравственная и духовная, удаление от мрака греховного: глубокое и коренное основание таких требований – в том, что сам *Бог есть свет, и тьмы в Нем нет ни единыя (1Ин.1:5)*; Он – источник духовного света, при котором легко узнаются дела светлые, и обличаются дела тьмы. Кроме сего, многие действия Божии в мире и роде человеческом остались бы навсегда для нас непонятны, если б им не предшествовало откровение воли Божией в предписаниях нравственного закона: и история мира и Церкви свидетельствует, что многие поразительные события являлись в близкой зависимости от того, соблюдали ли люди закон Божий, или нарушали его. С другой стороны, откровение Божества в сем мире и многие благотворные действия Промысла не имели бы на человечество всего спасительного влияния, если б человек знал только одно то, что исходит от Бога и что говорит о Нем, но не знал бы пути, как придти к Богу. Таким образом закон нравственный необходимо входит в состав Откровения Божия. Из содержания закона изъясняется, почему он называется в Писании путем, по которому ходить нужно (*Пс.77:10*), истиною (*Пс.118:142*), светом (ст. 105), светильником; а заповеди закона – судьбами Божьими (ст. 106), стезями (ст. 35), свидетелями (*Пс.118:144*), оправданиями (*Пс.104:45*). В них действительно раскрылись многие

судьбы Божии, указаны стези, которыми люди могут приближаться к нравственному совершенству и к единению с Богом. Каждая черта закона напоминает человеку о Боге, каждая учит, чем Он благоугождается, каждая поддерживает в сердце страх Божий. Закон раскрыл человеку, в чем состоит истинное и верховное благо, показал, что благо высшее должно быть не преходящее, не земное, а небесное, и что его нужно искать и можно найти только в Боге. Утвердив, что *дух есть, иже оживляет*, и что *плоть не пользует ничтоже* (Ин.6:63), что влечения плоти слишком слепы, что действия к ее угождению разрушительны, что удовольствия ее грубы и неудовлетворительны, – он борьбу духа с плотью признал неизбежною, для духа полезною, и господство духа над плотью соделал удободостижимым, предписав дела духа, и воспретив дела плоти. В суде над плотью закон являет себя строгим и беспристрастным: отклоняя тот вред, каким угрожает ее слепота, он предписывает правила самоумерщвления и воздержания, дает советы девства и подвижничества, без лести и поблажки осуждает то, что нравится греховному чувству. Предостерегая человека от привратного направления в жизни, закон с тем вместе изъясняет, что следует почитать истинным и доброхвальным. Через сие он научает любить добро ради добра, и отвращаться греха, как греха. Посему мы не редко в Божием законе встречаем правила, к исполнению которых не указано другого побуждения, кроме того, что сии правила требуют правды и добра, или отклоняют от греха. *Чада, послушайте своих родителей о Господе: сие бо есть праведно* (Еф.6:1). *Молю творити молитвы за всех... сие бо добро* (1Тим.2:3). *Чадо Тите, хощу, да пекутся добрым делом прилежати веровавшие Богу: сия суть полезна человеком и добра* (Тит.3:8). *Братия моя, пишет Апостол, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала, сия помышляйте* (Фил.4:8).

Высшее начало закона нравственного, как признак ЕГО ВЫСОКОГО ДОСТОИНСТВА

Все предписания нравственного закона одушевлены таким общим началом, которым много возвышается их нравственное достоинство, обязующее волю к их исполнению. Известно, что начало сие есть любовь: «она, по словам св. Златоуста, есть корень всего доброго»⁸). Для чистоты нравственных действий требуется, чтобы человек, с одной стороны, не предполагал никаких корыстных видов, с другой – не ограничивался наружным благообразием действий, но творил бы дела правды от души и сокровенно. Любовь, поколику противоположна самолюбию, служит основанием чистого, бескорыстного благочестия. Она есть такое начало, без которого никакая духовная жизнь не может продолжаться. Подобно, как кровь содержит в себе силу, оживляющую тело,– любовь служит жизненным началом для души. Жизнь души есть постоянное стремление к совершенству; но любовь есть совокупность совершенства, и следовательно, нелюбовь и ненависть есть удаление от совершенства, разрушение того, из чего слагается совокупность совершенства. Водворением своим в душе любовь полагает в ней начаток жизни, возрастанием своим укрепляет и украшает ее. В сем смысле Ап. Иоанн замечает: *вемы, яко преидохом от смерти в живот, яко любим братию* (1Ин.3:14). И как в Писании любовь именуется плодом Духа (Гал.5:22), полнотою закона (Рим.13:8), союзом совершенства (Кол. 3:14), большею из всех добродетелью (1Кор.13:13); то можно заключить, как высок и досточтим тот закон, который одушевлен ею, и вдыхает ее в душу вместе со своими нравственными внушениями.

Указания св. писания на высокое достоинство ПРАВСТВЕННОГО ЗАКОНА

Если содержание закона и начало, его одушевляющее, так чисты и совершенны, то он вполне достоин того, чтобы ему непринужденно подчинялась свободная воля. С сею, конечно, целью так не редко в Писании указывается высокое достоинство правил Божия закона. 118-й псалом весь содержит справедливые хвалы закону Господню, возбуждающие в душе ревность исполнять его. *«Благ мне закон Твой»*, – взывает поучающееся в нем день и ночь сердце. *Благ мне закон уст Твоих, паче тысящ злата и сребра (Пс.118:72). Вся заповеди Твоя истина (86). Возлюбих заповеди Твоя паче злата и топазия (127). Закон Твой истина (142). Правда свидения Твоя в век (144).* Ап. Павел многократно называет закон добрым, святым и духовным. «Наименовав закон духовным, – замечает св. Златоуст⁹, – Апостол дает тем знать, что закон есть наставник добродетели и враг порока. Быть духовным значит отводить от всякого греха. Это и делает закон, устрашая, вразумляя, наказывая, исправляя, советуя все то, что добродетельно».

Правда, что указанные похвалы относятся к ветхому закону Моисееву; но сим нисколько не уменьшается, а напротив, еще увеличивается достоинство закона Евангельского. Не уменьшается: потому что вообще дух нравственного закона один; чрез совесть ли он вразумляет, в десятословии ли говорит, чрез благодатное ли помазание научает, – всегда изливает в сердце любовь, хотя и не всегда и не во всякое сердце в одинаковой мере. Увеличивается: потому что если столь высокой хвалы достоин был тот закон, для которого потребовалось дополнение и изъяснение, то несравненно высшую хвалу должен усвоить себе закон новый и духовный, разъяснивший и одухотворивший письмена древнего. В сем предпочтительном значении Иисус Христос, после того как утвердил заповеди закона Моисеева и представил их достособлюдаемыми, – иго Своего закона назвали благими (Мф.11:30). Посему и Ап. Павел, полагая концом всякого нравственного заветания *любвы от чиста сердца и совести благие и веры нелицемерной*, присовокупляет: *вемы, яко добр закон есть (1Тим.1:5, 8)*. Если же в самом Св. Писании встречаются места, которые содержат как бы укоризну Божию закону, то надобно заметить, что укоризны падают не на сущность закона, а на его употребление. Ап. Павел, на прим., назвал закон силою греха (1Кор.15:56). Но Апостол сам себя изъясняет, когда говорит: *обретеса ми заповедь, яже в животе, сия в*

смерть (Рим.7:10). Не потому законом усилился грех, будто закон одобрял греховное, но потому грех возымел новую силу, что закон воспрещал греховное, а испорченная воля с раздражением и усилением устремилась испытать запрещенное. «Когда питаем к чему-нибудь вожделение, – рассуждает св. Златоуст, – и нам воспрещают то, тогда огонь вожделения разгорается сильнее. Но сие происходит не от закона: он запрещал с тем, чтобы отвести от вожделения. Грех же, то есть, твоя беспечность, твоя злая воля самое добро употребила во зло. Худому человеку и доброе приказание служит часто поводом сделаться порочнее»¹⁰. Вообще, закон действует под условием свободного произволения со стороны человека, в воле которого – соделать его или для себя спасительным или опасным. Посему Ап. Иаков замечает, что только *приникий в закон совершен свободы, и пребыв, блажен в делании своем будет* (Иак.1:25). Сие двоякое и совсем противоположное отношение закона ко благу человека и Ап. Петр имеет в виду, когда говорит, что лучше сего закона не знать, нежели, познав, не следовать ему: *лучше им (рабам греха) быть не познати пути правды, нежели познавшим возвратиться вспять от преданные им святыя заповеди* (2Пет.2:21). Заповедь Божию он называет святою, но вместе с тем находит знание ее бесполезным для тех, которые любят больше изведенную греха сладость, нежели познанную волю Божию. И так закон сам в себе безусловно остается добрым и достоуважаемым, и *горе возвещается хулящим, иже хулят закон* (Ис.24:16).

Превосходство христианского нравоучения перед философским

Внутреннее достоинство закона Божия еще яснее откроется, если его сравнить с нравоучениями, построенными разумом человеческим. Правда, что обличение их недостатков не необходимо для познания его совершенства. Но когда его совершенство изобличает их недостатки,— мы тем более уважаем его, тем усерднее возбуждаемся исполнять его. Надобно заметить, что лучшие нравоучения новых философов явились лучшими при пособии Евангельского учения. Нужнее видеть, что сделали нравоучители прежде христианства, чтобы полнее знать, как много сделало оно. Учение о верховном благе полагается в основании всякого нравоучения. Но ни одного из предложенных древними Философами благ нельзя принять за верховное. Одни полагали главное благо в удовольствии; другие — вообще в жизни сообразной с природою. Стремления души к Богу и к жизни духовной или были вовсе забыты, или поставляемы были ниже потребностей жизни телесной. Правда, лучшие из древних философов возвышались до чистых понятий о верховном благе; так Платон признавал таким благом богоподобие; неоплатоники указывали его в единении с Богом. Но, во-первых, было у христианских учителей (Иустина, Климента Александрийского и у других) мнение, что чистые и высшие истины естественной мудрости перешли в область ее из недр истинной религии. Во-вторых, никто из мудрецов древности не оставил объяснения, в чем состоит уподобление Богу, и какие средства ведут к единению с Ним. А те средства, которые предлагаемы были к достижению счастья и блаженства, были неверны и не успокоительны для духа человеческого. Скажет ли эпикуреец: ищи удовольствий прочных? Но какие удовольствия прочны там, где всё непрочно? — Скажет ли стоик, что в одной добродетели истинное благополучие человека? — Но что это за добродетель, которая хочет казаться равнодушною ко всему, независимо от обстоятельств, а между тем, когда обстоятельства худы, украшает своим именем самоубийство? Всюду в языческих нравоучениях видны слепота духа, недостаток религиозного чувства, гордость или тщеславие. Представляя природу человека неповрежденною, философы целью жизни поставляли то, к чему природа стремится, а себя — истолкователями ее слепых влечений. Чувство скорби хотели они подавить одним размышлением, ибо не знали утешения выше его. Не видно в их нравоучении надежды на будущую жизнь, ни правильных понятий о Промысле, и свою добродетель

вообще они отделяли от религии. Могло ли такое несовершенное учение сделать человека счастливым? Лактанций, обращаясь к Цицерону, назвавшему великим преступлением – порицать философию, – «мать общественной и гражданской жизни», говорит: «Ты именуешь философию обладательницей добродетели и матерью жизни, но никто в училище ее не входил, кто бы не вышел из нее с большим против прежнего недоумением и сомнением. Какой добродетели она обладательница? Какой жизни она мать? Философы до сих пор еще спорят, в чем состоит добродетель. Они стареют и умирают, не соглашаясь, каким образом надобно жить»¹¹. Какие же средства употребляли языческие нравоучители и правители к поддержанию в народе добрых нравов? Большею частью лживые и недобросовестные. То они утверждали, что учение свое свели с неба, что бывали в дружеских беседах с богами; то держали народ в совершенном невежестве; то в поощрение к трудным подвигам обещали баснословные награды. Страбон говорит: «так как нельзя Философу путем изъяснения вести толпы женщин и простого народа к благочестию и совестливости, то можно достигать сего посредством суеверия, облакая его в басни и чудесные истории. Основатели государств приняли это, как страшилище для детей»¹². А Цицерон замечает, что обоготворения (апофеозы) имели место в великих государствах, дабы возбуждать людей к самопожертвованию за отечество¹³. Какое превосходство на стороне христианской религии, которая всегда чисто и искренно предлагала свои правила, и скорее хотела казаться строгою, нежели ввести кого-либо в малейшее обольщение. Превосходство ее правил, бескорыстие ее требований, нелицеприятие ко всем, принимающим ее, признавали открыто даже и враги ее. Уже и отсель можно видеть, как справедливо в Писании напоминает превосходство откровенного Божия нравоучения пред учениями человеческими, и из превосходства его выводится побуждение исполнять его. Еще в глубокой древности Моисей, хорошо знавший содержание мудрости египетской, побуждая соотчичей хранить закон Божий, напоминает им, что им дано такое сокровище, какого нет у других народов. *Видите, показах вам оправдания и суды, якоже заповеда мне Господь Бог. И сохраните, и сотворите: яко сия премудрость ваша и смышление пред всеми языки, елицы аще услышат все оправдания сия, и рекут: се людие премудрые и умительны, язык великий сей. Кий язык велик, емуже суть оправдания и суды правы, по всему закону сему, его же аз даю пред вами днесь? (Втор.4:5–8)*. Псалмопевец возбуждает весь Иерусалим хвалить Господа, между прочим, за то, что Он возвестил слово Свое *Иакову, оправдания и судьбы Своя Израилю, и не сотвори тако*

всякому языку, и судьбы Своя не яви им (Пс.147:8–9). Сам Спаситель, открывая тайны Своего учения Своим последователям, называл ушеса их блаженными, и говорил им: мнози пророцы и цари, восхотеша слышати, яже вы слышите, и не слышаша (Лк.10:24).

А в конце Своего учения назвал блаженными тех, которые будут исполнять Его наставления: *аще сия весте, блажени есте, аще творите я* (Ин. 13:17). И превосходством Своего учения пред правдою Фарисейскою и мудростью языческою побуждал исполнять его: *Аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидите в царствие небесное. Аще любите любящих вас, кую мзду имате, не и мытари ли тожде творят? И аще целуете други ваша токмо, что лишше творите, не и язычницы ли тожде творят* (Мф.5:46–47)?

Побуждения к исполнению нравственного закона, утверждающиеся на духовных стремлениях и благодатном достоинстве природы человеческой

Закон нравственный, по своей сущности, как закон чистый и святой, совершенно достоин, чтобы существа ограниченные безусловно покорялись ему. Но кроме того, в себе самих мы носим побуждения любить его и исполнять его. Будем ли рассматривать природу человеческую в ее состоянии естественном или в благодатном, – легко увидим, что закон нравственный всегда ей нужен, что без его влияния она не может возрасть в духовной жизни, в успехах которой собственно и заключается ее внутреннее достоинство. Если же для каждого должно быть дорого поддержание и сохранение своего нравственного достоинства; то каждый сам самым побуждается соблюдать закон Божий, как необходимое условие преуспевания в духовной жизни, свойственной человеку, как разумному существу.

Врожденное сознание долга – как побуждение следовать **НРАВСТВЕННОМУ ЗАКОНУ**

Человек сотворен нравственным. В себе самом он носит способность узнавать добро, иметь о нем и сообразно с сим понятием отличать его от зла. Это коренное расположение к добру некоторые (напр. Кант) почитали не только высшим, но даже единственным, свободе свойственным побуждением к нему. Хотя такое мнение нельзя назвать истинным, ибо есть закон нравственный выше того, который в нашем уме, и воля Высшего Законодателя есть вместе и высшее побуждение исполнять Его закон: но остается несомненным, что в себе самой воля наша содержит одно из чистейших побуждений к исполнению нравственного закона, именно в сознании долга. Уважая сие явление в жизни нашего духа, Апостол заметил о язычниках, что они сами себе суть закон, по которому располагаются законное творить. Сие значит, что в душе нашей не только врожден закон, но и вложено живое побуждение исполнять его. Это есть необходимое условие к поддержанию нашего нравственного бытия, ибо нет нравственной жизни вне закона и добра. Обыкновенно говорить, что человек одарен разумом и свободой. Но без руководства внутреннего закона, что такое был бы разум человеческий, как непростая изобретательность, умножающая средства и блага земной только жизни; что такое была бы свобода, как не слепой выбор занятий, лишенных нравственного значения, подобно как замечаем сие в жизни животных? Каждое живое существо в себе самом хранит коренные основания своего бытия, побуждения к обеспечению своей жизни, или по крайней мере к поддержанию ее, заботится о самосохранении: посему и в каждом человеке, как вложено, влечет к поддержанию телесной жизни, так от природы существуют и побуждения к охранению своего духовного бытия, – чувство обязанности и долга, неизгладимое стремление выразить свою личность в достойных и непостыдных поступках. Если люди иногда не слышат в себе этого из глубины души исходящего голоса, если не понимают, чего требует он, то нельзя еще посему заключать, чтобы в чьей-либо душе совсем его не было. Голос внутреннего закона слышится внятнее по мере внимания к нему. Св. Василий Великий, советуя, чтобы каждый внимал себе, поучает: «Всякое живое существо от устроившего все Бога имеет в себе побуждения к охранению своего собственного состава. И если прилежно станешь изучать, то найдешь, что большая часть бессловесных, не учась, имеют отвращение от вредного и опять по какому-

то естественному влечению спешат к наслаждению полезным. Посему и нам обучающий нас Бог дал великую заповедь «внемли себе», чтобы мы были исправными хранителями данных нам от Него побуждений, бегая греха, как бессловесные избегают ядовитого в снадях, и гонясь за правдою, как и они, отыскивают в траве питательное. Итак «внемли себе», то есть, душе своей. Ее украшай, о ней заботься, чтобы своей внимательностью предотвратить всякую нечистоту, сообщаемую ей пороком, очистить ее от всякого греховного срама, украсить же и просветить ее всякою красотою добродетели. Не радей о плоти, потому что преходит; заботься о душе, существе бессмертном. Со всевозможным тщанием вникай в себя самого, чтобы уметь тому и другому дать полезное: плоти пропитание и покровы, а душе догматы благочестия, благопристойное образование, упражнение в добродетели, исправление страстей»¹⁴. Из сих слов Святителя видно, что в повиновении нравственному закону открыт путь к удовлетворению самых чистых и благороднейших стремлений нашего духа, – и если это побуждение не во всех людях сильно, то по крайней мере оно всегда бескорыстно. Оно учит любить добро для самого добра, потому что человек от рождения предрасположен чтить нравственный закон и, при его посредстве, усовершенствоваться; оно учит повиноваться нравственному закону из внимания к потребностям нашей природы, достоинство которой поддерживается и возвышается повиновением ему.

Если же к исполнению нравственного закона побуждает нас сама наша природа, то нельзя ли возвести на степень законности и все прочее, к чему влечение вложено в природе нашей? Действительно, есть люди, которые все естественное готовы признать законным. Но все влечения нашей природы освящать именем закона не значит ли давать тонкую поблажку греху, и питать тайную любовь к нему? Если б человек остался без повреждения, если б в его силах и стремлениях господствовало совершенное согласие, нет сомнения, что тогда все его естественные потребности имели бы характер законности, и никогда не должны бы были оставаться без удовлетворения. Но теперь нам нужно всегда разбирать и то, все ли естественное в нас должно назвать естественным, чтобы потом почитать законным. И когда строже рассмотрим те влечения, которые вообще, по снисходительности человеческого самолюбия, носят имя естественных, то принуждены будем согласиться, что много в нас случайного, отвне привзошедшего. Иначе, откуда в нас это резкое разногласие наших сил и внутренних стремлений? Откуда не умиротворяемая в течение целой земной жизни борьба человека с самим собою? Естественным, конечно, следует назвать то, что свойственно

существо, без чего оно перестает быть тем, чем должно быть. Но если бы все замечаемые нами влечения человеческой природы были согласны с нею, то посему самому они согласны были бы и между собою. При сотворении человека в нем не могло быть и не было никакого нестроения. Ибо если стройность есть необходимое условие красоты и расстройство – очевидный признак безобразия, то могло ли образоваться в человеке при его сотворении что-либо нестройное, когда он сотворен по прекрасному образу Божию, и когда даже те вещи, которые далеко ниже его, были «добры зело»? Но теперь нам открыто, когда и откуда вкрались в нашу природу противоположные стремления. Следовательно, не все в человеке теперь хорошо, и не все может быть возведено на степень законности. «Не весь я, – размышляет св. Григорий Богослов, – не весь я чистая природа – ум, не весь и худшая – персть, но составлен из того и другого, и нечто иное с ними. А потому и терплю не прекращающуюся тревогу брани между враждующими взаимно – и плотью и душою. Я – образ Божий, и вовлекаюсь в греховность; худшее во мне несправедливо противится лучшему; или убегаю грехов и противлюсь им, но не без труда, после многих борений и при небесной только помощи. Ибо два, точно, два во мне ума: один – добрый, и он следует всему прекрасному, а другой – худший, и он следует худому. Один ум идет ко свету, и готов покоряться Христу; а другой – ум плоти и крови влечется во мрак, и согласен отдаться в плен велиару. Или один увеселяется земным, ищет для себя полезного не в постоянном, но в преходящем, любит пиршества, ссоры, обременительное пресыщение, срамоту темных дел и обманы, идет широким путем, и, покрытый непроницаемою мглою неразумия, забавляется собственной пагубою; а другой восхищается небесным и уповаемым как настоящим, в одном Боге полагает надежду жизни, здешнее же, подверженное различным случайностям, почитает ничего не стоящим дымом, любит нищету, труды, и идет тесным путем жизни»¹⁵. Влечения греховные, кроме того, что весьма слепы, сами в себе необузданны, и умеренность для них есть состояние неудовлетворительности и стеснения. Посему лучшие из людей боялись силы закона греховного, и уклонялись от миролюбивого договора с ним. А Ап. Петр людей, управляемых влечением природы, называет бессловесными животными (2Пет.2:12). Они, как говорит другой Апостол, что по природе, как бессловесные животные, знают, тем растлевают себя (Иуд.1:10). Если же не все, что естественно, то и законно, а потому достойно исполняемо, то тем более мы получаем побуждения прилепиться и следовать тому, что в нас самих не только естественно, но и законно и

благородно, что близко к высшим духовным и существенным потребностям нашей природы.

Нравственное чувство – как предостережение от действий противозаконных

К различению того, что в нас поистине законно и что противозаконно, дано нам нравственное чувство, которое, поражаясь ощущением стыда от дел порочных, чрез сие самое удерживает волю в покорности нравственному закону. По влечению сего чувства мы некоторых действий совершенно стыдимся и отвращаемся, хотя бы и никто не внушал нам, что действия сии противозаконны. Если бы и никто не сказал человеку, что убийство худо, – тем не менее в душе его остается неизгладимое отвращение от такого злодеяния. «Все мы, – говорит св. Златоуст, – когда грешим, – стыдимся. Так знаем мы, что такое порок и что добродетель. Ибо знание добродетели вложил Бог в нашу природу. Чтобы знать, что целомудрие – добро, для сего не имеем нужды мы в чужих словах, ни в наставлении, потому что сами по природе имеем это знание. Не требуется ни трудов, ни забот, чтобы исследовать и найти, хорошо ли и полезно ли целомудрие; напротив, все мы общим голосом признаем сие, и никто не сомневается относительно этой добродетели»¹⁶. В ком правильно раскрыто чувство стыда и чести, тот из опасения получить пятно на свое поведение гнушается всякого, даже не важного, противозаконного поступка. И надобно заметить, что этот стыд есть верный страж нашего поведения, ибо тогда как все свидетели и приставники нашего поведения могут оставить нас в те минуты, когда открывается соблазн нарушить нравственный закон, или не исполнить его предписаний, – нравственное чувство заставляет человека остаться верным своему долгу. Различая чувство чести от гордости, св. Василий Великий рассуждает: «Величавость есть грех. Но возможно возноситься и похвальным образом, когда ты не мелочен, не заботишься о низком, но возвышен в мыслях, с великою душою и с высоким умом украшаешься высотой добродетели. Та высота воли достойна одобрения, когда не унижаешься в скорбях и презираешь земное. И такая высота духа, обыкновенно, столько же различна от кичливого надмения, как истинное здоровье – от болезненной опухлости тела»¹⁷. И в Св. Писании честь, какую возвеличен человек при сотворении, обращается для всех в побуждение к непорочному житию и братолюбию. Ап. Иаков, изображая вред языка и изобличая тех, которые клянут ближних, замечает, что не подобает сим тако бывать, и требование сие выводит из того, что все человеки сотворены по подобию Божию (Иак.3:9). Усыпление нравственного чувства, забвение чести, какую почтил человека

Творец, признается такую степень нравственного унижения, на которой человек становится хуже и неблагодарнее несмысленных животных. Св. Василий Великий на слова Псалма: *человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным (Пс.48:13)* замечает: «*В чести сый, тем самым, что создан по образу Творца, почтенный человек не разуме, но перестав подражать Богу и уподобляться Создателю, соделался рабом страстей. Подлинно, это избыток несмысленности и скотского неразумия, если созданный по образу Творца не сознает первоначального своего устройства, не хочет уразуметь всего Божия о нем домостроительства, и по оному заключать о собственном своем достоинстве; но до того забывает все это, что, отвергнув образ Небесного, восприемлет образ перстного¹⁸*».

Благодатное состояние человека – как побуждение для него соблюдать нравственный закон

Когда человек затмил в себе образ Божий и свои понятия о добре, а вместе с тем ослабил и внутренние побуждения к добру, – потребно сделалось для падшего новое высшее состояние с новыми нравственными предписаниями и сильнейшими побуждениями к их исполнению.

Потребность для падшей природы человеческой ОТКРОВЕННОГО ЗАКОНА

«После как человек ниспал во грех, – пишет св. Василий Великий, – Бог не презрел его, но дал ему в помощь закон»¹⁹. Без указаний закона человек не знал бы верно своего бедственного положения: *греха не знах, точию законом (Рим.7:7)*, говорит Апостол. Хорошо греха не знать, чтобы не творить его; но неведение греха и безгрешность – не одно и то же. Напор воды тем опаснее, чем подходит она неприметнее. Так зло разливалось в мире тем шире, чем искуснее от ослепленного человека сокрывалась злокачественность порока под благовидною наружностью. Закон откровенный открыл человеку его нравственную тему, и так как в падшем человеке две стороны – добрая и худая, то он явился защитником и другом одной и строгим судьей другой. Не малая честь нашей природы, что закон Божий близок нашему сердцу, и находит в нем себе отголосок. Закон нравственности откровенной есть не что иное, как данное самим Богом изъяснение, восполнение и усовершенствование закона естественного, присущего нашей совести: посему искренняя, не предубежденная душа, встречая правила закона Христова, находит их как бы своими, и скоро признает их досточтимость. Моисей очень выразительно показывает близость закона Божия к человеку: *Заповедь сия, юже аз заповедаю тебе днесь, не тяжка есть, ниже далече есть от тебе. Не на небеси есть, глаголя: кто взыдет от нас на небо, и возмет ю нам, и услышавше ю сотворим. Ниже об ону страну моря есть, глаголяй: кто прейдет нам на ону страну моря, и возмет ю нам, и услышавше ю сотворим. Близ тебе есть глагол зело, во устах твоих, и в сердцы твоем, и в руку твою, творити его (Втор.30:11–14)*. Если сие сказано было о законе ветхом, которого некоторые заповеди приспособлены были к жестокосердию людей того времени, то еще ближе сердце человеческое к закону Евангельскому, который, поколику дан на все времена и для всех людей, более приспособлен в своих правилах к общим потребностям человеческой природы. Отселе можно изъяснить всю глубокомысленность выражения Тертуллианова, что «душа, по естеству своему, христианка»²⁰. Подобно как железо извлекает искру из кремня, учение нравственности Евангельской, ударяя в грубое сердце, воспламеняет в нем искру новой жизни духовной, чтобы она потом горела, как лампада, чистым и неугасающим светом. Закон Евангельский раскрывает наши нравственные силы, и питает их упражнением в добродетели. «Закон есть возделыватель

и воспитатель сил, какие заключены в нас в виде семени», – рассуждает св. Василий Великий²¹). А на вопрос – «с каким расположением должно оказывать послушание тому, кто понуждает к исполнению заповеди?» – отвечает²²): «с таким же расположением, с каким дитя, одолеваемое голодом, слушается кормилицы, которая зовет его ко вкушению пищи, и с каким всякий человек, ищущий себе пропитания, слушается того, кто дает ему средства для жизни. Что в рассуждении хлеба – вкушение, то в рассуждении заповеди – исполнение, как говорит сам Господь: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшего Мя* (Ин.4:34).

Ежели правила закона христианского для духа нашего – то же, что для тела яства, его укрепляющие, если душа человеческая в себе носит предрасположение повиноваться закону благодати, от чего же иные не только не следуют ему, но иногда даже вооружались против него? Объяснить сие явление не трудно, после того, как в истории человечества представляется неисчислимое множество примеров, когда человек охотнее избирал худое, нежели доброе, а доброе обращал во зло. Раб чувственности и самолюбия так привыкает к своему рабству, так сдружается с ним, что оно кажется ему состоянием не только правильным, но при забвении неизбежных горестей – довольно приятным, и он не хочет освободиться от уз, которые так крепко обложили его, как будто выросли в состав его тела. Привыкши к положению, из которого выйти не хочет, он смотрит на все предубежденным взором и доходит до такого состояния, что делается малоспособным различать достоинство предметов духовных. Одни бегут от света, *да не изобличатся их темные дела* (Ин.3:20); другие не покоряются закону смирения, потому что *возлюбили паче славу человеческую, нежели славу Божию* (Ин.12:43), а все вообще чувственные люди смежают очи, и привыкают тяжело слышать (Мф. 13:15), да не видят Божьих судеб, не слышат закона, который уверяет слепых в их слепоте, бременем самоуничтожения советует помазать духовные очи и омыть их слезами раскаяния. Но как противление закону Божию не естественно для души человеческой, – сие облачается тем, что внутренне платят ему дань невольного уважения люди, которые сами не хотят следовать ему, или гонят его в лице других. Приверженец порока нередко приходит в негодование, что не за что и нечем уязвить добродетель, ибо много нужно ожесточения и насилия совести, чтобы гнать невинность. Несправедливый к другим пишет и желает, чтобы к нему все были более нежели справедливыми, чтобы оказывали даже ему снисхождение. Беспорядочный в своей жизни прибегает к помощи и защите Божия закона, чтобы сим орудием поддержать порядок около себя, в своих подчиненных. Томимый

скукою греха завидует покою, который так искренно и так ясно почиает на лице благочестивого. «Все мы, – говорит св. Златоуст, – от природы научены, и хвалим добродетель, хотя и не делаем ее, равно как ненавидим грех, хотя и делаем его»²³. Так природа человеческая глубоко и даже невольно сочувствует требованиям Божия закона, и нужно человеку много усилий, чтобы удалиться от того, что так близко к нему.

Указания Св. Писания на преимущества благодатные, как на побуждения к жизни по закону евангельскому

Книги Нового Завета преисполнены нравственных наставлений, основанных на представлениях о цели явления Христова во плоти, о дарах благодати, на достоинстве звания и состояния христианского. Ап. Павел, заповедуя Титу побуждать всех к исполнению своих обязанностей, в основании побуждений полагает то, что Иисус Христос *дал есть Себе за ны, да очистят Себя люди избранны, ревнители добрым делом (Тит.2:14)*. Подобно, как в первобытном создании образ Божий был основанием нравственного достоинства в человеке, в воссоздании чрез Иисуса Христа снова утверждено сие основание: *Того бо есмы творение, создани во Христе Иисусе на дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходим (Еф.2:10)*. Цена крови Христовой есть для нас залог жизни доброй: *куплены есте ценою: прославите убо Бога в телестех ваших и душах ваших (1Кор.6:20)*. Таинственное соединение со Христом, как Главою, есть новое побуждение для христианина блюсти чистоту и духа и тела: иначе, решаясь на дела порока, он оскверняет уды Христовы. Состояние благодати и ее дары суть побуждения к житию богоугодному. Она, по слову Апостола, для того и явилась, *да целомудренно, праведно и благочестно поживем (Тит.2:12)*. Целомудрие требуется от христиан потому, что тела их суть храм Св. Духа; правда – потому, что для того и явился Сын Божий, да от грех избывше правдою поживем; благочестие – ибо все дарования и все наши действия теряют свое значение без любви, а благочестие на все полезно. Самое призвание в благодатное состояние в Писании представляется как побуждение к доброй жизни: *молю вы, говорит Апостол, достойно ходити звания, в неже звани бысте (Еф.4:1)*.

Не призва бо нас Бог на нечистоту, но во святость (1Сол.4:7). Как нет выше в мире звания и имени христианского, то сие одно звание служит сильным предостережением от дел противозаконных, подобно как честное имя удерживает людей от поступков неприличных в обществе. Апостол Петр, называя христиан, как древних евреев, родом избранным, царским священством, языком святым, людьми обновления, на сих наименованиях основывает важную для них обязанность возвещать в своей жизни добродетели *Призвавшего их из тьмы в чудный свет Свой (1Пет. 2:9)*. Все иносказательные названия, которыми обозначается в Писании состояние христианское, заключают в себе побуждения к различным добродетелям. Именуется, напр., сие состояние светом, а христиане носят

имя сынов света: посему им заповеданы дела света. Состояние вне благодати уподобляется ночи, в которую люди духовно впали: посему, когда ночь преjde, и день приблизится, – чадам света и дня заповедуется отложить темные дела, и облечься в оружие света (Рим.13:12), бодрствовать и трезвиться (1Сол.5:5,6). Духовное возрождение называется спогребением Христу; по образу восстания Христова от гроба, и новый человек, умерший для греха, должен ходить во обновлении жизни (Рим. 6:4). Как Церковь Христова не имеет скверны или порока, так христиане, церкви Бога Жива, обязаны очищать себя от всякой скверны плоти и духа и творить святую в страхе Божии (2Кор.7:1.) Возрождение называется омовением: и подобно как чистая дева говорит в книге Песнь Песней: *умых нози мои, како оскверню их* (Песн.5:3), – омовенная от грехов душа боится осквернить себя снова пороком, помня, что она омылась водою бани пакибытия и обновлением Св. Духа.

Благодатное достоинство, в которое призваны все христиане, напоминая нам нужду заботиться о своей нравственной чистоте, побуждает нас любить и ближних, и соблюдать все, чего требует их польза, честь и спасение. Апостол Павел, увещавая ефесских пастырей внимательно пасти вверенное им стадо, побуждает их к сему высоким достоинством общества, которое их надзору вверено свыше. Это общество есть Церковь Господа Иисуса, которую Он стяжал кровию Своею (Деян.20:28). А побуждая коринфян щадить людей, имеющих немощную совесть, указывает им на достоинство сих немощных и мнительных, заключающееся в том, что за них Христос умер (1Кор.8:11–12).

Укрепление нравственных сил человека благодатью – как побуждение к добродетели

Не только возвышение и освящение нашей природы в состоянии благодатном, но и укрепление ее содействием свыше служит для нас побуждением достойно ходити своего звания. «Для исполнения всех тех заповедей, какие даны нам от Бога, рассуждает св. Василий Великий²⁴, – получили мы от Него и силы, чтобы невозможно было негодовать на то, будто от нас требуется что-то необыкновенное. Сими средствами действуя правильно и как должно, благочестиво проводим добродетельную жизнь, а расстраивая их действие, увлекаемся в порок» В Св. Писании нередко легкость для нас нравственного закона обращается в побуждение исполнять его. Так Моисей, показав, что заповедь закона близка сердцу человека, и заповедуя хранить ее, называет ее «не тяжкою». Сам Спаситель, предписав новые заповеди, в предупреждение, чтобы иго нового закона не показалось неудобноносимым, бремя сего закона назвал «легким». Апостол Петр, напомянув христианам, что Божественною силою даровано им все потребное к жизни и благочестию, советует им посему отбегать *яже в мире похотныя тли*, и соединять с верою добродетель (2Пет.1:3–5). Апостол Иоанн, побуждая христиан повиноваться закону любви, тотчас присовокупляет, что повиновение сие не отяготительно: *«сия есть любовь Божия, да заповеди Его соблюдаем, и заповеди Его тяжки не суть»* (1Ин. 5:3).

Правда, что путь заповедей Евангельских сам Спаситель назвал узким, почему даже ближайшие ученики Его спросили Его в недоумении: *кто же может спасен быти?* (Мф.19:25). Но надобно различать, при каких обстоятельствах и для кого особенно он труден. Закон Божий требует самоотвержения. Но многие, уважая закон, не хотят для него ничем пожертвовать. Они и готовы служить Богу, но в то же время не хотят оставить рабства миру и страстям. И когда для них открывается необходимость оставить одного господина, чтобы сохранить верность другому, они делаются подобными тому юноше, который с прискорбием оставил Спасителя: *бе бо имея стяжания много*. С другой стороны, кто вовсе не имеет усердия к исполнению закона, тому скоро он покажется тяжелым. В обыкновенной жизни весьма часто можно видеть примеры, как легкое дело, без усердия к нему, сначала кажется скучным, потом трудным, и, напротив, как труд не труден тому, кто любить трудиться. Очень естественно, что и в деле служения Богу легкое бремя кажется

тяжелым человеку, который по своей лености и перстом не хочет двинуть его. Кроме того, усердие к исполнению закона невозможно без любви к нему. А с возрастанием любви к закону исчезает постепенно трудность его. Св. Златоуст на слова Псалма: «*в заповедех Его восхощет зело*» (Пс.111:1) замечает: «Любовь к Законодателю делает легким и приятным закон, хотя без того он, по-видимому, имеет некоторую трудность. Трудность сию производит не свойство предписаний, но беспечность человеческая. Кто с любовью и усердием сердца их принимает, тот скоро уверяется, что они удобоисполнимы и легки»²⁵). Блаж. Августин в объяснении слов Псалма: «*постави на простране нозе мои*» (Пс.30:9), делает такое различие: «Точно, тесен этот путь, и тесен для того, кто скучает им, а для любящего он широк. Один и тот же и тесен и широк, постави на простране, то есть, соделал для меня легким то оправдание, которое прежде было до невозможности трудно для меня»²⁶). Наконец, мы не должны забывать того, чем успокоил Господь учеников, когда они выразили сомнение о возможности спасения. Он отвечал им, что *невозможная от человек возможна суть у Бога* (Мф. 19:26). Исполнение закона Он сам назвал бременем; но это бремя и остается только бременем, доколе человек своею самонадеянностью хочет подъять его; но оно же делается легким, когда покоряющийся закону Христову прибегает к помощи Христовой. Таким образом, побуждение исполнять закон возрастает, когда в требованиях его то самое, что для немощи человеческой кажется трудным и даже невозможным, при помощи свыше делается не только удобоносимым, но даже и легким.

Побуждения к исполнению нравственного закона, извлекаемые из надежды блаженства и из страха мучений

Закон нравственный потому досточтим, что выражает в себе волю Законодателя Всеблагого, что содержанием его служит истинное благо, и что, наконец, стремление к соблюдению его вложено в душе нашей. Когда человек, водясь сими побуждениями, живет добродетельно: лучше ли ему от того? И в противном случае, когда иной совсем презирает и нарушает заповеди Божии: хуже ли нечестивому от его нечестия? Какая польза соблюдать закон, и какой вред нарушать его? Нежели есть не малая польза от его соблюдения и вред от нарушения, то можно ли возвести на степень нравственных те побуждения для воли, какие возникают от благоприятных или неблагоприятных следствий, сопровождающих поступки наши? И надобно заметить, что сомнение относительно достоинства таких побуждений не слепо и не лишено оснований. Когда человек делает добро ради добра, он сознает внутреннее достоинство добра, любит его бескорыстно: потому что не обольщается соблазнами, влекущими к пороку; – беспристрастно: потому что уважает и хвалит добро пред другими, несмотря на опасности, в какие может вовлечь его такой беспристрастный суд; – постоянно: потому что предан долгу даже и тогда, когда встречает затруднения в исполнении его. Не малодушным ли только свойственно любить добродетель, доколе благоприятствуют обстоятельства, или решаться на дела противозаконные, когда последование чистой совести грозит несчастьями?

Нравственное значение побуждений к исполнению закона, утверждающихся на различии следствий добра и порока

Такие мысли и вопросы не позволяют признать безусловное и исключительное достоинство побуждений, опирающихся на различии следствий добра и порока, но нисколько не ослабляют их побудительной к добру силы. Несомненно, что сознание долга и благоговение к Законодателю – Богу рождает самую чистую и бескорыстную добродетель; но не забудем того, что предпринимать свободное действие и смотреть, какой плод принесет оно, также свойственно для человеческой предусмотрительности, как и законно для совести. Без цели действие не будете нравственным, а цель есть искомое, что представляется достожелаемым, доколе действие не совершено, и есть следствие его, когда дело окончено. Таким образом, удовлетворение долгу есть первое следствие повиновения закону. Когда мы исполняем долг, совесть без нашего ведома и старания, дарит нас успокоением и утешением. Услаждение сие есть необходимое следствие доброго поступка: это видно из того, что дурной поступок не только не успокаивает души, но еще производит в ней противоположное чувство беспокойства. Посему, если добродетель гонимая есть самая бескорыстная, то сие выражение имеет тот смысл, что она чиста от всяких внешних корыстных видов, но еще нельзя сказать, чтоб она не обещала в себе ничего отрадного тому, кто за нее страдает. Человек благочестивый глубоко и верно предан своей добродетели не потому, что она горька, а потому, что в самых горестях сладка. Но надежда человека, когда он терпит за добродетель, не ограничивается этим чувством довольства и покоя. Один поступок не стоит одиноко на поле нашей жизни духовной. Между одним совершённым и многими последующими действиями есть не всегда понятная, но часто очень верная и очень крепкая зависимость, подобно как в явлениях мира видимого всегда можно примечать господствующую в них связь причинности. Какое, напр., различие между семенем и целыми деревом, – и, однако ж, между тем и другим существует столько же таинственная, как и необходимая связь. Так одно дело есть семя, из которого потом, как дерево и ветви, возникают другие свободные действия. Что такое наши привычки, как не повторение таких действий и расположений, которые в своем начале казались однократными? Теперь,

если каждое семя дает плод по роду своему, не естественно ли и человеку смотреть на каждое свое дело: какой плод принесет оно, к чему может привязать или приблизить наше сердце? Дурное дело не потому только страшно, что оно худо, а еще и потому, что оно открывает путь и приближает душу к другим худым делам. Такими образом, если бы цели и плоды свободных действий не простираться далее пределов жизни настоящей, – и тогда всякий, действующий разумно и свободно, легко может спросить себя: к чему поведет его исполнение долга, что произведет оно в кругу его деятельности, и что будет оставлять в его душе? Но так как тот, кто уважает добродетель, верует вместе и в бессмертие души, то здесь неизбежен новый вопрос: имеет ли какое значение настоящая наша деятельность в отношении к нашей будущей судьбе? Когда нам ясно указана цель жизни настоящей и ее великое значение для жизни будущей, нам весьма вредно и трудно отрешиться от мысли о будущих следствиях всех наших земных дел. Трудно: потому что и с усилием невозможно душе грешной изгладить в себе опасение, какое возбуждает в ней вообще таинственность будущего. Вредно: ибо, несмотря на беспечность человеческую, по непреложному закону правды Божией, *дела умирающих идут в след за ними (Апок.14:13)*. Конечно, благочестивые спокойны относительно будущего своего, предавая его Промыслу, но откуда проистекает сие успокоение, как не из уверенности, что любовь к добру есть путь к блаженству? В ком не поколебалась бы сия любовь, если бы к трудам самоотвержения привходило лишение надежды на лучшую участь за гробом? Если таково свойство нашего естества, что всякий труд тогда привязывает нас к себе, когда обещает нечто утешительное, так что *о надежде должен быть оряй орати (1Кор.9:10)*, то трудно было бы удержаться от порочности, когда порок, хотя и не обещает чего утешительного в будущем, но обольщает в настоящем, – и невозможно было бы сохранить приверженность и постоянное усердие к добродетели, если бы она была преддверием злополучной вечности. Человек любит жизнь, и дорого ценит то, что служит необходимым условием ее продолжения и ее успокоения, но истинная жизнь и добродетель так между собою содружественны, как вечная смерть верно сопровождает порок. Таким образом, естественная любовь к жизни, и притом к жизни нескончаемой, служит естественным и законным побуждением исполнять закон. Не должно, однако ж, думать, что добродетель, основанная на потребности жизни спокойной и блаженной, есть добродетель самолюбивая. Ошибка не в том, что иной потребностью наслаждения возбуждается к исполнению закона, а в том, во-первых, что у многих

взгляд на жизнь и ее наслаждения не правильны, и, во-вторых, что наслаждение иные поставляли единственным побуждением к добродетели и как бы содержанием ее. Если бы обетования и угрозы поставляемы были выше всяких других побуждений к исполнению нравственного закона, то нравственность, на них основанная, была бы не выше труда наемнического и рабского. Посему нужно знать, какое значение имеют те побуждения к исполнению закона, которые извлекаются из представления о выгодах послушания ему и о невыгодах непослушания. К побуждениям сего рода относятся награды временные и вечные обетования исполнителям закона; наказания временные и вечные, угрожающие нарушителям его.

Награды временные

Обетованиями, относящимися к благоустроению и благополучию земной жизни, преимущественно обилен ветхозаветный нравственный закон. Все блага настоящей жизни для израильтянина поставлены были в зависимости от его повиновения Божию закону. Земля, текущая медом и млеком, часто упоминается в законе Моисеевом, и служила такою для добродетельных наградою, в понятии которой включалось обетование всякого великого благополучия. Но плодородие сей земли могло продолжаться не иначе, как под тем условием, если обладатели захотят пребыть верными закону Божию. *Аще в повелениях моих ходите*, говорит Божественный законодатель (Лев.26:3 и след.), *заповеди мои сохраните и сотворите я: и дам дождь вам во время свое, и земля даст плоды своя, и дрevesа сельная отдадут плод свой... и снесите хлеб ваш в сытость... и дам мир в земли вашей...* Те же условия земного благоденствия повторены были израильтянам и после времен Моисея: *аще хотите, и послушаете Мене, благая земли снесите* (Ис.1:19). В сих словах Божественного законодателя выражена та тесная связь между благополучием временной жизни и исполнением Его закона, которая так ясно и поучительно засвидетельствована превратностями судьбы иудеев. Хотя их нравственное состояние требовало именно таких, а не других побуждений к добру; но сим не уничтожается значение временных наград вообще для нравственной жизни всех людей во все другие времена. Справедливо, что народ вероломный и строптивый, каков был народ иудейский, не иначе мог быть убежден в том, что Бог верен в Своих обетованиях, как чрез скорое исполнение некоторых из числа данных обетований; и вообще, мало постоянный в служении Богу, едва ли бы остался верен Ему без земных и временных наград. Посему, как прекрасно замечает Златоуст, «у иудеев награды не отлагались вдаль, а были выдаваемы как поденная плата слугам»²⁷. Но отсель следует только то, что в жизни и судьбе иудеев временные награды имели большее значение, нежели как в нравственности христианской, где они также не утратили своей благотворной силы. В книгах Нового Завета прямо говорится, что благочестие, на все полезное, соединено с обетованием даже и нынешнего живота (1Тим.4:8), что ищущим Царствия Божия не редко и в сей жизни прилагаются все блага ее (Мф.6:33), и что любящим Бога вся спосшествуют во благое (Рим.8:28). Кроме сего, к исполнению разных частных обязанностей христиане побуждаются обетованиями благ жизни

временной. Так Апостол, заповедуя творить молитвы за властей, как награду за сию молитву, обещает от Бога тихую жизнь на земле (1Тим. 2:2), а напоминая детям заповедь десятословия о почтении к родителям, указывает и на обетование, с каким была дана она (Еф.6:2-3). Из сих и подобных мест в новозаветных книгах ясно видно, что добродетель христианская не лишается временных земных наград.

Важность временных наград в кругу нравственности христианской

Но не противоречат ли они ее духу, когда ей указан трудный путь самоотвержения, путь вольных и невольных скорбей и лишений? Не унижается ли обещанием таких наград достоинство нравственного закона, данного таким Законодателем, Который и сам не имел, где главы поклонити, и Своим последователям не обещал зде пребывающего града? Действительно, если бы христианам обещаны были земные блага в виде такой награды за исполнение закона, далее которой не открывалось бы ничего более утешительного, то нравственность христианская утратила бы тогда свойственную ей чистоту и высоту. Но нигде в Новом Завете благоденствие земное и не обещается, как последняя награда за добродетель, а везде – или как отдохновение от подвигов для подъятия подвигов новых, или как поощрение к новым добрым делам. Основной закон в христианстве относительно благ внешних – довольство малым: *если есть пища и одежда, тем и довольны будем* (1Тим. 6:8). Но Апостол отказывает даже в праве на принятие пищи тому, кто не трудится, и, напротив, о трудолюбивом замечает, что ему прежде всех подобает вкушать плоды трудов своих (2Тим. 2:6), и вообще по роду немощей телесных дозволяет употребление необходимых вещей в жизни (1Тим. 5:23). Таким образом, блага жизни временной суть средства к подкреплению сил, а подкрепление сил требуется для новых трудов. Христианин, получая в избытке блага жизни, входит вместе и в новые обязанности. Богатство представляется в христианском учении не как средство к роскоши и к наслаждению жизнью, а как прямое побуждение помогать бедным (1Тим. 6:17–18; 1Ин. 3:17). Таланты и силы душевные и телесные даются от Бога человеку не для услаждения его сердца, а для того, чтобы он назидал других в любви и добродетели, и чтобы носил немощи немощных (Рим. 15:1). Радости жизни встречает человек, чтобы тем охотнее сорадоваться радующимся (Рим. 12:15), то есть, чтобы содействовал он их радости, и утешал малодушных (1Сол. 5:14, 17) и печальных. Украшается правами власти и земного величия, чтобы с тем вместе не забывал и слова Христова: *более в вас да будет всем слуга* (Мф. 20:26. Мк. 9:35). Впрочем у христианина не отнимается право в благах временной жизни почерпать некое вознаградительное утешение за труды добродетели. Закон христианский, запрещая их усиленно домогаться, позволяет поддерживать покой утомленной души. Ибо Бог дарует нам все

обильно для наслаждения (1Тим.6:17). И сие не служит в унижение достоинства нравственного христианского закона. Стрaдание не есть необходимое условие исполнения его. Жизнь тогда и может быть названа жизнью, когда заключает в себе нечто отрадное и привлекательное: ибо нельзя любить того, что враждебно ей, что порождает разрушительную для человека печаль. Закон нравственный есть необходимое условие истинной жизни, а закон христианский именно и называется законом жизни (Рим.8:2). Посему закон христианский, как закон духа жизни, проливает свою живительную силу и на внешнее благосостояние человека. Не трудно заметить, какое важное улучшение в земной жизни человека происходит при влиянии на нее христианского закона. Христианство не требует отвержения всех земных утешений. Те христианские подвижники, которые налагали на себя самые трудные подвиги самоотвержения, говорили, что нужно делать сие с рассуждением, и что не должно лишать себя вдруг тех утешений, на которые право дает честная, закону Божию подчиненная жизнь. «Есть люди, – говорит св. Антоний Великий, – которые изнурили тело свое подвижничеством, – и, однако ж, удалились от Бога: потому что не имели рассудительности»²⁸. Сия рассудительность позволяет и на радости жизни смотреть как на награду за добрые дела и как на поощрение к тому, чтобы не унывать на трудном пути благочестия. Апостол говорит: *аще раздам вся имения моя, и аще предам тело, во еже сжещи е, любви же не имам, ни кая польза ми есть (1Кор.13:3)*. Следовательно, может остаться с пользою и тот, кто хотя и не все имение свое раздает, и несколько печется даже об удобствах жизни телесной, но любовь имеет. Он не требует излишнего, не ищет услаждения, но когда мир доброй его совести сопровождается утешениями земной его жизни, он принимает сии утешения, как дары, как благословение от Всевидящего Промысла.

Значение временных наград за добродетель при непостоянстве земного счастья

Нельзя оставить без внимания, что здесь на земле не только не все добрые благоденствуют, но напротив, еще очень многие из них страдают. Если же неверно земное благоденствие, можно ли обращать его в побуждение к добродетели? Что оно неверно, – это показывает ежедневный опыт. Но вопрос в том, для кого оно больше неверно, – для добродетельных или порочных? Можно ли добродетельного назвать несчастным в несчастье, а порочного счастливым в счастье? По крайней мере, одна и та же горечь жизни совершенно различно действует на доброго и порочного: один падает духом и через малодушие повергается в отчаяние; а другой цветет радостью, когда жизнь его омрачается бурями скорбей; мир совести – благо, которого не можете отнять никакое несчастье в жизни, всегда дает утешение благочестивому независимо от суеты земной и превратностей судьбы человеческой. А упование на Промысел, не постыждающий преданных Ему, довершает то, чего не достает для них в печальной действительности. *Благословение Господне на главе праведного, сие обогащает и не имать посему приложится ему печаль в сердцах* (Притч.10:22). Посему-то св. Отцы нередко повторяли ту мысль, что и земная участь людей порочных хуже и несчастнее скорбной жизни праведников. Так о сем рассуждает св. Василий Великий: «Трудно, говорят, благочестие. Какое же из благ достается легко? Кто, почивая, воздвиг себе победный памятник? Никто, не пробежав поприща, не берет награды. Труды рождают славу. Если рассмотреть строго, то и дьявольские дела делателям беззакония обходятся не без труда. Воздержание отнимает ли столько у тела, сколько портит адская и бешеная невоздержанность? Бессонные ночи у тех, кто проводит их в молитвах, но страсть к удовольствиям совершенно гонит всякое успокоение. Если же, избегая узкого пути, ведущего ко спасению, идешь пространном путем греха, боюсь, чтобы, продолжая идти широкою дорогою, не нашел ты и пристанища, соответственного этому пути»²⁹. Но если удел несчастья лежит на всех земнородных, и если он даже тяжелее лежит на людях порочных, то еще вопрос не решен: можно ли благоденствие земное обращать для всех в побуждение к добру? Мы и не говорим того, чтобы земное счастье для всех служило необходимым побуждением, – как будто тот и не обязан повиноваться нравственному закону, кто несчастлив в жизни. Много у Бога средств обращать заблуждающихся на путь истины и

спасения, и поддерживать постоянство в тех, которые идут уже по сему пути. Одного спасает Он бедствиями, другого ободряет счастьем жизни. Пример одних не служит законом для других. Посему и благоденствие для некоторых нельзя почитать побуждением к добродетели, потому что они не пользуются им, не получая его; а вообще в мире нравственном оно может служить действительным побуждением, потому что для многих уже служило средством к добрым делам. Благоразумный отец, когда видит, что одно средство вразумления мало действует на детей, употребляет другое. Сам, давши в руки дитяти вещь, как награду за послушание, отнимает ее, когда видит, что оно слишком прирастилось к ней и приобретает привычку быть своенравным. Подобно сему Небесный Отец различными путями ведет человека – и берет у него счастье земное, когда оно бесполезным становится для счастливого, не возбуждая его к трудным делам благочестия, а воспитывая в нем тщеславие и гордость. Познав лишение, несчастный вспоминает, как пользовался счастьем; уразуметь и то, для чего оно было дано ему. Таким образом, то самое, что в свое время, по слепоте или упорству человека, не привело, по-видимому, к цели, и не побудило к добродетели, приведет к ней впоследствии, когда будет утрачено. Непостоянство земного счастья весьма поучительно для нравственности и каждою своею переменою учит человека добру. «В непостоянстве, – рассуждает св. Григорий Богослов, – остается одно только постоянным – изменение во всем. И это премудро и удивительно, потому что скорбь не остается без утешения, а счастье без вразумления. Те благоразумно поступают, которые несчастьями вразумляются, с которыми то же бывает, что и с Петром, призвавшим спасение, когда он уже утонул, и которые через болезнь более приближаются к Богу, и через скорбь приобретают благодетеля: потому что болезнующая душа близка к Богу, и скудостью обращается к Могущему дать, тогда как могла бы и презреть Его при обилии даров. Посему будем обращать взор свой горе во всякое время и при всяком случае, будем ограждать себя благою надеждою, дабы нам в радости не потерять страха, и в скорбях – упования. Будем помнить при ясном небе о ненастье, и во время бури – о кормчем; не будем злыми рабами, которые исповедуют Владыку, когда Он благосотворит им (Пс.48:19), и не обращаются к Нему, когда наказывает; между тем как иногда болезнь лучше здоровья, терпение – отрады, посещение – пренебрежения, наказание – прощения. Скажу кратко: не будем падать духом от бедствий, ни надмеваться от довольства»³⁰. Кроме того, Бог уменьшает земную награду добродетели, дабы подвижнику уготовать большую награду на небе. У св. Отцов была уверенность, что утешения

земные, приемлемые с услаждением, уменьшают небесную награду за добродетель³¹, и сами они по мере того, как отрешались от земного, – возносились к горнему.

Награда вечная – как побуждение к доброй жизни

В книгах Нового Завета многократно изречено обетование о вечном блаженстве, ожидающем добродетельных на небе. Закон Евангельский есть источник жизни бессмертной: *аще кто слово Мое соблюдет, дает обетование Иисус Христос, смерти не имать видети во веки (Ин.8:52)*. Не трудно заметить, что обетование жизни вечной в Ветхом Завете предлагаемо было прикровенно и не часто, а в Новом оно напоминает и весьма ясно и почти непрерывно. Это служит новым признаком, что нравственные побуждения Божественный Законодатель приспособляет к состоянию тех, для кого дает положительный закон. Назначив правила закона Евангельского для людей, освящаемых и укрепляемых благодатью, Он яснее и решительнее обещает им жизнь духовную и вечную, нежели благополучие земное. Напротив, людям чувственным и еще не дошедшим до более зрелого возраста в жизни духовной, Он чаще обетовал довольство в стране, текущей медом и млеком. Как сильно действует на волю побуждение, основанное на обетовании жизни блаженной, – это показали многочисленные сонмы праведников, сим обетованием ободрявшие себя на трудном пути благочестия. Если бы можно было представить жизнь на земле совершенно счастливую, и тогда побуждение сие не утратило бы силы. Любя жизнь, человек не желает ее конца. Посему он естественно располагает верить в жизнь будущего века, а веруя в нее, желает, чтоб она была счастливая, и ищет средства сделать ее счастливою. Такое средство в законе Божиим указано ясно: *аще хочещи внити в живот, соблюди заповеди (Мф.19:17)*. Но так как нет на земле верного счастья, то тем больше побуждений искать его на небе. Самая благополучная жизнь земная исполнена непредвиденных огорчений, неудовлетворенных желаний, нелегких, нередко даже и изнурительных трудов. Для чего сие допущено Промыслом, как не для того, чтобы человек, не хотевший сохранить блаженства, в котором первоначально познал свою жизнь, горьким опытом изведал, чего лишился, и путем послушания и добродетельной жизни тем усерднее востекал к отечеству небесному. «Если мы, – поучает св. Златоуст, – непрестанно будем помышлять о царстве небесном, о бессмертии и нескончаемой жизни, о ликах Ангелов, о пребывании со Христом, о славе непреходящей, о жизни беспечальной; если вообразим, что и слезы, и поношения, и унижение, и смерть, и печали, и труды, и болезнь, и уныние, и бедность, и злоречие, и вдовство, и грех, и осуждение, и наказание, и всякое другое зло и бедствие из оной

небесной жизни изгнано; что, напротив, там обитают мир, кротость, благость, милосердие, любовь, радость, слава, честь и прочие блага, каких словом описать невозможно; если будем, говоря, непрестанно размышлять о сем, то ни одно из настоящих благ не прельстит нас, и мы будем восклицать с Давидом: *когда прииду, и явлюся лицу Божию*»³²? Побуждение исполнять закон ради вечной жизни нисколько не ослабляется тем, что жизнь сия даруется ради заслуг Спасителя и приобретается через веру в сии заслуги. Где сказано, что спасение наше не от нас, а Божий дар (Еф. 2:8), тебе даруемый, – присовокуплено и то, что вера в заслуги Искупителя должна быть облечена в добрые дела и чиста от дел порока (Еф. 4, Гал. 5:6, 1Тим. 6:11, 2Тим. 4:7, Иак. 1:27, 2:14 и след). Для жизни вечной нужно не только верить, но и исполнять закон веры, и следовательно, побуждение, основанное на обетовании жизни вечной, приобретает новую силу, когда нам открыто, что средства спасения не введут в живот вечный, без повиновения закону и без добрых дел.

Нравственное достоинство побуждений к удалению от зла, вытекающих из страха наказания

Как, с одной стороны, свободная воля предрасполагается повиноваться Божью закону наградами за послушание ему, так, с другой, предостерегается многими угрозами от посползновения нарушить его. Если бы кто сказал, что угрозы и страх наказаний могут иметь место только в человеческих законодательствах, в которых иногда не достает других средств к обузданию своеволия, то мнение сие, открывая слабую сторону человеческих законодательств, ни мало не объясняет ни происхождения угроз и наказаний, ни их связи с нравственным законом. Надобно помнить, что нет чистого и правдивого закона без вредных следствий от нарушения его. Если закон, вообще, есть основание согласия в мире, то нарушение его есть нарушение сего согласия, начало беспорядка и расстройства. Когда земля, которая по закону притяжения *во век стоит* (Екк. 1:4), от беспорядочного движения стихий сотрясается, – это зло сопровождается злом: на месте прекрасных окрестностей и зданий являются обрывы и развалины, или, где дотоле все дышало жизнью, там разливается «мертвое» море. То же и в мире духовном: если закон есть основание нравственной жизни, то нарушение закона есть разрушение или, по крайней мере, повреждение сей жизни. Нарушение закона называется беззаконием: действительно, в делах греха и порока мы не видим закона и исполнения его. А если нет причины, то нет и следствий: выражение закона в деле сопровождается благими следствиями; посему не выражение закона в действии есть вместе и отсутствие его живительной силы, лишение тех выгод, какие он привносит с собою. Сие лишение есть первое и ближайшее наказание за нарушение закона. Но так как содержание закона есть добро, исходящее от всеблагой воли Божией и ведущее к Богу, как к верховному Благу, то нарушение закона есть отвержение добра, удаление от Бога, призвание в деятельность и жизнь того зла, которое воспрещается законом. Самое достоинство нравственного закона требует того, чтобы оно ограждено было угрозами наказаний. Закон должен иметь священную для всех важность; но что священо, то вместе должно быть неприкосновенно. Неприкосновенным же мы называем то, чего мы не имеем права употреблять так, как нам хочется, чего мы не можем коснуться ни своею властью, ни произволом, и к чему дерзкое прикосновение сопровождается или возмущением совести, или неблагоприятною переменою в нашем благосостоянии. Если б

нарушение закона ничем не угрожало человеку, ни возмущением его внутреннего покоя, ни неприятными переменами в его судьбе, испорченная воля так же стала бы на него легко смотреть, как смотрит своенравное дитя на забавляющую его вещь, которую ныне оно ставит выше всего на свете, а завтра ломает и бросает. Но теперь каждый, нарушая закон, боится его; презирая его своими действиями, уважает его в своем сознании. Почему человек желает зла себе, не как зла, а как добра? Не потому ли, что он, уважая закон, хочет наоблисти хотя некоторую сообразность с ним в своих действиях, и, нарушая его, мечтает извинить себя перед его судом тем, что в своих противоположных действиях не искал себе зла, а обещал себе добро? Из сего отчасти открывается неосновательность предположения, что страх наказаний есть побуждение к добру насильственное, неестественное нашей природе. Что чувство страха и опасения есть чувство враждебное и не свойственное душе нашей, – это справедливо. Но спрашивается: как же поселилось в душе нашей и это враждебное ей чувство? Как открылось место страху, когда человеку нечего было бояться? Не усомнимся сказать, что и появление страха в душе человеческой было наказанием за нарушение закона. Доколе не нарушен был первый данный людям закон, они не знали тревожного чувства, называемого стыдом; а тотчас, как закон был нарушен, они стали стыдиться, бояться, скрываться. Так сама наша природа требует наказаний за нарушение закона, и первое из них есть угрызение совести. Правда, что страх, поелику муку иметь, не свойствен душе: но отсюда следует не то, что будто страх наказаний есть насильственное и, следовательно, не нравственное побуждение к исполнению закона, а то, что нарушение закона есть явление, противное нашей доброй природе, враждебно и болезнетворно действующее на нее. Страх наказаний даже открывает больше удобства к упражнению свободы. Угрозами определяется различие тех следствий, какие вызывает исполнение или нарушение закона; и каждый, поставляя себя в том или другом отношении к Божию закону, наперед знает свою судьбу, заблаговременно угадывает, что готовит себе своим повиновением или преслушанием. Следовательно, прежде чем изберет одно из противоположных действий, он может верно обсудить достоинство каждого из них со всех сторон его, даже со стороны самых отдаленнейших его последствий.

Таким образом, угрозы в кругу нравственного законодательства имеют свое весьма важное место и значение. Сим объясняется, почему сам Божественный Законодатель издревле присоединял их к Своим повелениям и заповедям. Так самый первый положительный закон,

данный Богом человеку, огражден страшною угрозою: *в онъже аще день снесете от него* (от древа познания добра и зла), *смертию умрете* (Быт.2:17). И потом все положительные заповеди Божии большею частью сопровождаемы были или новыми прещениями, или повторением прежних. Из числа наказаний, возвещаемых в Св. Писании нарушителям Божия закона, одни угрожают грешнику еще в сей жизни, другие ожидают его в жизни будущей.

Временные наказания за нарушение закона Божия

Как благополучие жизни человека земной Бог поставляет в зависимости от повиновения его нравственному закону, так за нарушение его издревле угрожал человеку злополучием в жизни. *Аще не послушаете Мене, говорит Господь народу Своему, ниже сотворите повелений Моих, но не покоритесь им, и о судьбах Моих вознегодует душа ваша, яко не творити вам всех заповедей Моих, яко разорити завет Мой: и Аз сотворю сице вам, и наведу на вас скудость, и посеете вотще семена ваша, и утвержу лице Мое на вас, и падете под враги вашими, и пожнут вы язвами за грехи ваша... И сотворю грады ваши пусты, и опустошу святая ваша, и не обоняю жертв ваших (Лев.26:14 и след.)*. Слова сии читаются в ряду многих прещений и угроз, какие изрек Бог, предостерегая народ Свой от нарушения данного на Синаи закона. Замечательно, что прещения сии изречены в строгой постепенности. Сначала Законодатель угрожает менее тяжкими наказаниями за нарушение закона, как напр., не обильным плодоношением земли; далее, за непокорность угрожает голодом; потом, за упорство – нападением врагов; еще за дальнейшее нечувствие и нечестие – язвою; наконец, за ожесточение во грехе – совершенным потреблением с лица земли. Все бедствия иудеев сам Господь поставлял в соответствии с их поведением; подобно как тень соответствует очертанию тела, так в судьбе иудеев отображалась их нравственность. Нельзя думать, чтобы страх временных наказаний был только для иудеев возбуждением к исправлению. Сам Иисус Христос из бедствий жизни человеческой извлекал нравственные уроки, и нечестивым угрожал великими несчастиями. Так, падение башни Силоамской и участь под ней погибших Спаситель обратил в предостережение оставшихся до времени невредимыми людей нечестивых: *аще не покается, вси такожде погибнете (Лк. 13:5)*. Что прещение сие оправдывалось в жизни людей нечестивых, – сие изъясняет Ап. Павел, когда говорит, что еще здесь на земле *открывается гнев Божий с небес на всяко нечестие и неправду человеков (Рим.1:18)*; и в другом месте, имея в намерении показать, как опасно приступать к причащению без достойного приготовления к нему, замечает, что многие из небрежных грешников от сего и умирают (*1Кор.11:30*).

Значение сих наказаний в нравственной жизни

Различны цели, с какими Бог подвергает временным бедствиям законопреступников: то сими бедствиями Он пресекает разливающееся в мире зло; то у нечестивых берет средства, какими пользовались они ко вреду ближних; то самих наказуемых побуждает к исправлению; то свидетелям наказания подает самый явственный и поразительный урок, какими горькими плодами еще здесь на земле обременяет себя порок. Но как бы ни были различны цели временных наказаний, все они соприкасаются к одной – чтобы не угасло совсем в людях повиновение нравственному закону. Св. Василий Великий так рассуждает о значении сих наказаний: «Необходимо сказать и то, что когда наказываем сделавших какую-либо вину, тогда имеем в виду не то, что уже сделано (ибо каким бы способом сделанное стало не сделанным?), но то, чтобы или сами сделавшие несправедливость впредь стали лучшими, или для других послужили примером целомудрия»³³. «Итак познаем, что за уклонение наше от Бога и за нерадение насылает на нас Он удары не с намерением сокрушить, но с желанием исправить, как и добрые отцы исправляют нерадивых детей; и они раздражаются и восстают на юных, не о том помышляя, чтобы сделать какое-нибудь зло, но от детской небрежности и от грехов юности приводя к рачительности»³⁴. «Поэтому, и наедине и всенародно, все мы исследуем жизнь свою, будем внимательны к засухе (говорено во время голода и засухи), как к детоводителю, который каждому из нас напоминает его грехи»³⁵. Польза временных наказаний за грехи весьма очевидна. Не один народ израильский ими приводим был на путь исправления, так что об израильтянах прямо сказано: *егда убиваши я, тогда взыскаю Его (Бога), и обращахуся (Пс.77:34)*. Не один царь Манассия теснотою и скорбью плена пришел к раскаянию и памятованию о Боге и Его законе. Бесчисленны примеры тех, которые в училище несчастий научились смирению, страху Божию, послушанию, целомудрию, состраданию. Когда все вообще бывают набожнее, как не тогда, когда одно бедствие постигнет всех? Когда уважительнее смотрят на закон и усерднее располагаются служить ему, как не на краю гибели, открываемой пороком? Посему, даже и тот, кто, быть может, сравнительно, менее других имел нужду в уроках несчастий, – исповедался в наказаниях милующему Богу: *благо мне, яко смирил мя еси (Пс.118:71)*. Св. Григорий Богослов, языком глубокого чувства, изображает те благие плоды, какие производит в душе грешной временные

наказания: «Наказываешь ли Ты меня, Спаситель мой, за горький грех, или укрощаешь скорбями, как укрощают коня молодого, гоняя его по непроходимым местам, или останавливаешь превозношение моего ума, или моими бедствиями хочешь Ты вразумить смертных, чтоб они возненавидели порочную жизнь, которая непостоянна, приводит к гибели всякого, поспешали же к иной жизни, к постоянной, не развлекаемой, а для благочестивых и лучшей; но в великих глубинах премудрости Твоей сокрыто сие, что значит в продолжение превратной жизни преподаваемые смертным уроки, и благие и горестные, во всяком же случае самые полезные»³⁶. Но не служит ли признаком слабости закона, когда внешние неблагоприятные обстоятельства жизни человеческой как бы призываются на его защиту и поддержание? Дабы решить сие, надобно припомнить, откуда произошли несчастья в жизни человеческой. Св. Писание вразумляет нас, что они произошли первоначально от греха, или от нарушения закона. Но нарушение закона можно ли обращать в вину законодателю или закону? Несчастья неизбежно следуют за грехом. А как скоро они показывают вред греха, то в сие же самое время, по противоположению, лучше помогают ценить и уважать добродетель, и, таким образом, побуждают исполнять закон. Несчастья в мире существуют не потому, что они дают воле побуждение любить и исполнять закон, а потому они побуждают исполнять его, что они делаются следствием нарушения его. Бог не творил зла, чтобы вышло благое, а когда привзошло в жизнь существ свободных зло, – извлекает из него благое. Временные наказания за грех не служат необходимым побуждением к исполнению закона. Для укрепившейся в доброй воле такое побуждение не существует. Возлюбивший добро, как добро, страдает ли, или благоденствует, во всяком случае привержен к закону и исполняет его независимо от внешних обстоятельств, по той успокоительной и твердой уверенности, что преданность долгу поведет ко благу. Таким образом, побуждение сие есть побуждение условное и случайное, хотя, при настоящем состоянии человечества, весьма полезное. Для одних оно спасительно; другие не имеют в нем нужды. Одни горьким опытом жизни узнают вред порока, и отвращаются от него; другие бегают порока, хотя он им и не грозит несчастьями, и приверженными остаются к добродетели, хотя и страдают за нее.

Из того, что не всегда порок грозит несчастьями, возникает новый вопрос: не ослабляется ли частым на земле торжеством порока то побуждение к исполнению закона, которое основано на угрозах временных наказаний за нарушение его? Под сим торжеством порока

должно разуметь ту его сладость, которая так льстит испорченному вкусу нравственному и которая часто на земле приобретает как будто право безнаказанности. Но может ли порок всегда остаться безнаказанным? Отвечать на сие утвердительно препятствует вечный закон Божия правосудия, по которому рано или поздно, но должен каждый понести свое бремя (Гал.6:5). Если же наказание за нарушение закона неизбежно, может ли законопреступная совесть успокоить себя тем, что наказание сие не последовало тотчас за дурным делом? Когда долг растет, утешительно ли должнику, что ему отлагают срок уплаты? Лучше ли и законопреступнику, если он, успокаиваясь временной безнаказанностью за свои дела, умножает свои долги перед Богом? Кто никогда не встречал наказания за свои грехи, не напрасно должен опасаться тяжких бед за него. И когда свыше и скоро посылается оно, это служит явным признаком, что общий всех Судия не во веки прогневался на грешную душу, но горьким вразумлением требует от нее плодов покаяния. Св. Ап. Павел в Послании к Евреям (гл. 12.) весьма выразительно показывает, что наказания за грехи лучше безнаказанности. Во-первых, он наказания сии прямо поставляет знаком Божия благоволения: *егоже любит Господь, наказует. Аще наказание терпите, якоже сыновом обретаются вам Бог.* Далее внушает, что наказания сии, направленные к пользе наказуемых, должно принимать с большею готовностью и покорностью, нежели отеческие: *плоти нашей отцы имехом наказатели, и срамляхомся (боялись их): не много ли паче повинемся Отцу духовом, и живи будем?* В заключение же подтверждает, что сии наказания служат действительным и сильным побуждением к добродетели, и жизнь наказуемого обогащают плодами праведности: *наказание в настоящее время не мнится радость быти, но печаль, последи же плод мирен наученным тем воздает правды.* Итак, не смотря на торжествующий порок, временное наказание за него есть достожелаемое приобретение. И если люди не всегда понимают это спасительное значение несчастий в жизни, то сие происходит от дебелости их ума, как замечает св. Григорий Богослов. Против сей дебелости направлено другое нравственное побуждение – страх будущих вечных мучений.

Страх будущих мучений, предостерегающий от действий законопротивных

Угрозы сих мучений весьма часты в Св. Писании, и излагаются в потрясающих душу чертах. Страх будущих мук св. Отцы столько почитали для души полезным, что одного сего побуждения к добру, по их мнению, для души достаточно, чтобы навсегда отклонить ее от грехов. «Не забывай, – советовал один подвижник другому, – вечного суда, и не будет в тебе греха в душе твоей»³⁷. Авва Сисой в ответе трем подвижникам, которых смущал страх вечных мучений, сказал: «Блаженны вы, братия; я позавидовал вам. Один из вас говорил об огненной реке, другой о преисподней, третий о тьме. Если душа у вас проникнута таким воспоминанием, то вам невозможно грешить»³⁸. Люди, преданные греху, сие побуждение к исполнению закона хотят ослабить сомнением, вечны ли будут мучения за гробом. Им представляется невозможным, чтобы Всеблагий Бог допустил вечно мучиться Своему созданию. Но кто верует в силу закона, открытого в Св. Писании, тот конечно должен понимать буквально и те угрозы, которые ясно и определенно повторяются в нем. На сем основании св. Василий Великий сомнение в вечности мучений почитает безумным. «Когда многие, – говорит он, – как бы забыв о всех изречениях и определениях Господних, обещают себе конец мучению, чтобы свободнее отваживаться на грех, то сие, конечно, есть одна из козней дьявольских. Ибо если будет когда-нибудь конец вечному мучению, то и вечная жизнь, без сомнения, должна иметь конец. А если не смеем думать сего о жизни, то какое основание – полагать конец вечному мучению? И мучению и жизни равно придается слово: «вечный»³⁹. В другом месте тот же Святитель рассуждает: «Бог благ, но и правосуден. А правосудному должно воздавать по достоинству. Посему не будем знать Бога в половину, и человеколюбие Его обращать себе в повод к лени. Для того грома, для того молнии, чтобы не была презираема благодать. Кто дает дождь, Тот дождит и огнем. Одно показывает благодать, другое – строгость: или за первое будем любить, или за последнее страшиться, чтобы и нам не было сказано: *по жестокости и нераскаянному сердцу собираеши себе гнев в день гнева (Рим.2:5)*⁴⁰. Сия-то жестокость и нераскаянное сердце грешников служит отчасти причиною, почему будущие наказания за нарушение нравственного закона должны остаться вечными. Благодать Божия пребудет неизменною; но противники Богу и Его закону сделаются навсегда неспособны вкусить даров ее. Впрочем

гораздо безопаснее и полезнее верить ясным словам Писания, и, по крайней мере, страхом вечной злополучной судьбы удерживаться в повиновении закону, нежели приводя в сомнение предсказания ясные, и обещая себе неверную безнаказанность, слепо решаться на законопреступные дела.

Сравнительное достоинство главных побуждений к исполнению закона

После того, как изъяснены сущность и влияние каждого из главных побуждений, склоняющих волю исполнять закон Божий, – естественно рождается вопрос: если их сравнивать между собою, – одинаковы ли они по своей важности, или одно из них выше другого? Вместе с ответом, что достоинство их не одинаково, можно, по справедливости, первое в ряду их место предоставить любви, а последнее – страху. Различие сие издревле замечаяемо было и св. Отцами. Так св. Григорий Богослов руководит нас в различении нравственных побуждений: «Для христиан – приятнее страдать за благочестие, нежели для других – прославляться и быть нечестивыми. Потому что мы мало заботимся об угождении людям, а все наше желание – получить честь от Бога; истинно же боголюбивые – выше и сего: они любят общение с добром ради самого добра, а не ради почестей, уготованных за гробом. Ибо это уже вторая степень похвальной жизни – делать что-либо из награды и воздаяния, и третья – избегать зла по страху наказания»⁴¹. Св. Василий Великий также различает три степени в побуждениях к добру, одобряя предпочтительно побуждение любви: «Вообще, я усматриваю три различных расположения, в которых неизбежна необходимость послушания: или боясь наказания, уклоняемся от зла, и бываем в состоянии рабском; или гонясь за выгодами награды, исполняем повеленное ради собственной пользы, и тем уподобляемся наемникам; или делаем сие ради самого добра и из любви к Давшему нам закон, радуясь, что удостоились служить столь славному и благому Богу, – и в таком случае имеем сыновнее расположение»⁴². Впрочем не должно заключать из сих слов, что св. Отцы как бы совсем исключали из круга жизни нравственной побуждения надежды и страха. Напротив, они и из не совсем чистых побуждений хотят и учат извлекать чистую добродетель: ибо то, что вначале не чисто, духом благодати может быть очищено впоследствии. Один подвижник жаловался на себя, что все его благотворения, оказанные ближнему, враг спасения унижает, как будто они были плодом человекоугодия. Св. Пимен предложил ему такую притчу: «Два земледельца жили в одном месте. Один из них посеял и собрал немного хлеба, хотя нечистого; а другой, поленившись снять, не собрал ничего. В случае голода, кто из них будет иметь пропитание? Брат отвечал: тот, кто собрал немного хлеба, хотя нечистого. Старец сказал: так будем же и мы сеять немного, хотя даже и нечистого, дабы не умереть от

голода»⁴³. Конечно, страх, в своем начале, есть чувство рабское: но тот же страх, постепенно очищаясь, потом *на стезях любления поставляет* (Сир.1:13), а любовь потом из рабов делает сынами. Равным образом искание награды может быть названо иногда наемническим искусством, но это далеко возвышается над ремеслом наемника, когда благочестивый вздыхает к горнему отечеству не для того, чтобы самолюбиво блаженствовать, а в том поставляет свое блаженство, чтобы *со Христом быти* (Фил.1:23), когда *Бог будет всяческая во всех*. В самой любви читатель закона Христова различает высшие и низшие стороны и степени. Он любит Бога выше всего, потому что все от Бога и все стремится к Богу; любя Его, любит и закон Его, как добро и как истину, ибо *любовь не радуется о неправде, радуется же о истине* (1Кор.13:6). Потом, любя ближних потому, что за них умер Иисус Христос, он исполняется самоотвержения для их блага. Наконец, он и ради себя любит и чтит св. закон, но в своей природе тем преимущественно побуждается вести себя честно, что само в себе чисто, или одуховлено верою, освящено благодатью. Вообще, во всех нравственных побуждениях господствовать должен один дух, должна в них проникать одна живительная сила любви, без которой, если бы возможно было представить какое-нибудь побуждение к добру, – это побуждение было бы не крепко и не надежно. Любовь утверждает навык к исполнению закона, и дает душе чувствовать некое таинственное и неразрывное сродство с ним. О сем так рассуждает св. Григорий Богослов: «Кто упражняется в добре из каких-нибудь видов, тот не тверд в добродетели, ибо цель минуетя, и он оставит доброе дело, подобно как плывущий для прибыли не продолжает плавания, если не видит прибыли. Но кто чтит и любит добро ради самого добра, тот, поелику любит нечто постоянное, и расположение к добру имеет постоянное, так что, ощущая в себе нечто, свойственное Богу, может сказать о себе сказанное самим Богом: я один и тот же, и не изменяюся (Мал. 3:6). А потому он не будет превращаться, принимать различные виды, соображаться с обстоятельствами и делами, делаться то тем, то инаковым, менять различные цвета, подобно как полип принимает цвет камня, к которому он пристал, но всегда пребывает один и тот же, – непоколебим среди колебаний, несовратим среди превратностей, и как представляю себе, – это скала, которая, при ударах ветров и волн, стоит незыблемо, и сокрушает приражающеся к ней»⁴⁴. «Если б кто, – говорит тот же Святитель, – снискал навык к добру, то для него трудно пасть, ибо добро обращается уже в природу, как и сия любовь, которая в нас и с которою мы совершаем служение любви истинной и возлюбленной, и

избранной нами в руководство для целой жизни»⁴⁵.

Примечания

- ¹ - Бес. 30 на 2 Посл. к Кор. Опр. S. Chrys. Тога. X. pag. 776. Ed. Monf.
- ² - На Посл. к Рим. стр. 504 по русск. перев.
- ³ - Твор. св. Васил. Вел. Том. 5. стр. 101.
- ⁴ - Там же, стр. 102.
- ⁵ - Бес. на Псал. 41. Опр. S. Chrys. Том. V. pag. 163. Edit. 1836 ana
- ⁶ - Соч. Преосв. Тих. (изд 1825 г.) Том X. стр 52. 53
- ⁷ - Твор. св. Василия Вел. Том. V, стр. 100.
- ⁸ - На Посл. к Галат. стр. 166, по русск. переводу
- ⁹ - Беседа на Посл. к Римл. 7, 14 стр. 289 по русск. перев.
- ¹⁰ - На Посл. к Римл. стр. 270 по русск. перев.
- ¹¹ - Лактанц. часть 1. стр. 211 по русск. перев. Карниет.
- ¹² - Georg. Lib I. cap. 2.
- ¹³ - De nat. deor. Lib. III. cap. 3.
- ¹⁴ - Тв. Вас. В. Том. IV, стр. 33. 35.
- ¹⁵ - Твор. Григ. Богосл. в русск. пер. Ч. IV. стр. 305 и 306.
- ¹⁶ - Бес. к антиох. нар. Том. I, стр. 466, 467 (Изд. в Хр. Чт. 1848 г.)
- ¹⁷ - Твор. св. Вас. Вел. в русск. переводе Ч. II, стр. 119
- ¹⁸ - Твор. Вас. Вел. в русск. переводе. Т. I. стр. 368, 369
- ¹⁹ - Там-же, Том. 5 стр. 103.
- ²⁰ - Апол. гл. 17. В другой своей книге, обращаясь к душе язычника, Тертулиан говорит ей «ты знала Бога твоего, и не искала его; христианская истина была врождена в тебе... (о свид. души, гл. 6.).
- ²¹ - Твор. Вас. Вел. в русск. перевод. Т. V. стр. 105.
- ²² - Там же, стр. 293.
- ²³ - Бес. к антиох. пар. Том. I, стр. 468.
- ²⁴ - Твор. Вас. Вел. в русск. пер. Т. V. стр. 99.
- ²⁵ - In Psalm. III. Опр. S. Chrys. Том. V, pag. 278.
- ²⁶ - In Psalm. 30, 9.
- ²⁷ - Толк, на Посл. к Римл. 8, 15 по русск. перев. стр. 334.
- ²⁸ - Дост. сказан, о подв. св. Отц. Изд. 1846 г. стр. 4. – Подобным же образом рассуждал о вольных лишениях в жизни подвижнической Великий Арсений. Авва Марк спросил его: «Хорошо ли не иметь никакого

утешения? Я знал брата, который имел у себя несколько овощей, но потом вырвал их». Арсений Великий на сие отвечал: «хорошо, но смотря по способности человека; ибо если он не имеет сил для такого образа жизни, то опять насадить других овощей». Дост. Ск. стр. 19.

²⁹ - Твор. Вас. Вел. в русск. пер. Т. IV. стр. 938. 939.

³⁰ - Твор. св. Григ. Бог. в русск. пер. Т. И. стр. 92. 93.

³¹ - Дост. Ск. о подв. св. Отц. Изд. 1846 г. стр. 60.

³² - Бес. на 41 Псал. Опр. Chiys Tom. V, pag. 168. Edit. in-8°.

³³ - Твор. Вас. Вел. в русск. пер. Том. VI, стр. 253

³⁴ - Твор. Вас. Вел. в русск. пер. Том. IV, стр. 124.

³⁵ - Там же, стр. 130

³⁶ - Твор. св. Григ. Бог. в русск. пер. Том. IV, стр. 299.

³⁷ - Дост. сказан, о подв св. Отц. стр. 96

³⁸ - Так же, стр. 301. 302

³⁹ - Твор. Вас. Вел. в русск. пер. Том. V, стр. 346.

⁴⁰ - Там-же, стр. 94.

⁴¹ - Твор. Григ. Бог. в, русск. пер. Том. 1, стр. 120.

⁴² - Твор. Вас. Вел. в русск. пер. Т. V, стр. 91. 92.

⁴³ - Дост. сказан, о подв. св. Отц. стр. 238.

⁴⁴ - Твор. Гр. Бог. в русск пер. Том. III, стр. 209. 210

⁴⁵ - Твор. Григ. Бог. в русск. перев. Том. II, стр. 215.

Содержание

О побуждениях к исполнению нравственного закона митрополит Сергей (Ляпидевский)	1
Побуждения к исполнению нравственного закона, утверждающиеся на понятии о Законодателе	3
Величие Законодателя	4
Высочайшая благодать Законодателя	6
Первообраз совершенств в Боге – Законодателе	10
Побуждения к исполнению нравственного закона, основывающиеся на достоинстве его	12
Нравственный закон – путь нашего боговедения и приближения к Богу	13
Высшее начало закона нравственного, как признак ЕГО ВЫСОКОГО ДОСТОИНСТВА	15
Указания св. писания на высокое достоинство НРАВСТВЕННОГО ЗАКОНА	16
Превосходство христианского нравоучения перед философским	18
Побуждения к исполнению нравственного закона, утверждающиеся на духовных стремлениях и благодатном достоинстве природы человеческой	21
Врожденное сознание долга – как побуждение следовать НРАВСТВЕННОМУ ЗАКОНУ	22
Нравственное чувство – как предостережение от действий противозаконных	26
Благодатное состояние человека – как побуждение для него соблюдать нравственный закон	28
Потребность для падшей природы человеческой ОТКРОВЕННОГО ЗАКОНА	29
Указания Св. Писания на преимущества благодатные, как на побуждения к жизни по закону евангельскому	32
Укрепление нравственных сил человека благодатью – как побуждение к добродетели	34
Побуждения к исполнению нравственного закона, извлекаемые из надежды блаженства и из страха мучений	36
Нравственное значение побуждений к исполнению закона, утверждающихся на различии следствий добра и порока	37

Награды временные	40
Важность временных наград в кругу нравственности христианской	42
Значение временных наград за добродетель при непостоянстве земного счастья	44
Награда вечная – как побуждение к доброй жизни	47
Нравственное достоинство побуждений к удалению от зла, вытекающих из страха наказания	49
Временные наказания за нарушение закона Божия	52
Значение сих наказаний в нравственной жизни	53
Страх будущих мучений, предостерегающий от действий законопротивных	56
Сравнительное достоинство главных побуждений к исполнению закона	58
Примечания	61